ДЛЯ БІОГРАФІИ И. П. САХАРОВА.

I.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Статья эта продиктована покойнымъ Ивановъ Петровичемъ Сахаровымъ (род. 29 Авг. 1807 г. въ Тулѣ, скончъ. 24 Авг. 1863 въ Новгородской усадьбѣ Зарѣчьѣ Валдайскаго уѣзда и похоронен при церкви Успенія Рютинскаго погоста), не за долго до его кончины, племяннику его Николаю Алексѣевичу Бѣловодскому. Здѣсь печатается она въ точности съ подлинной рукописи, находящейся у Павла Ивановича Саввaитова. *П. Б.*

Сочиненія свои я началъ печатать съ 1830 года, находясь еще въ Тулѣ, въ тяжелый годъ для моей жизни, когда сбирался въ Москву. Воспоминаніе объ этомъ и теперь, по истеченіи 25 лѣтъ, тяжело и грустно. Невольно вспоминаешь людей, съ коими связаны были мои первыя начинанія въ книжныхъ занятіяхъ: *Никанора Ивановича Иванова*, покойнаго Троицкаго священника, преподавателя математики и Французскаго языка, человѣка добраго, невесьма ученаго, но любившаго горячо родину и просвѣщеніе; *Ѳедора Эммануиловича Громницкаго*, штабсъ-лекаря, жившаго въ Тулѣ болѣе 40 лѣтъ, учившагося прежде въ полковыхъ лазаретахъ (товарища Е. О. Мухина), переводчика и издателя разныхъ книгъ; *Дмитрія Трофимовича Комарова*, землемѣра, прекрасно рисовавшаго, мечтавшаго написать исторію народовъ средней Азіи по Іоакинѳу и Шрекку и несчастно окончившаго свою жизнь; *Ивана Ѳедоровича Афремова* и *Евграфа Николаевича Воронцова-Вельяминова* — людей добрыхъ, умныхъ, но съ разными направленіями и характерами. Помню въ этомъ дѣлѣ и двухъ губернаторовъ: *Фонъ-Трейблута* и *А. Ш. Гевлича*. Меня къ нимъ возили, заставляли искать покровительства. Помню добраго *Цвѣткова*, совѣтника казенной палаты, который мнѣ только и твердилъ о Трейблутѣ: „Умнѣй, братъ, его здѣсь никого нѣтъ. Его надобно привлечь къ себѣ; ему надобно прочитать кое-что изъ своихъ сочиненій“. И меня возили къ нему читать два вечера, и онъ рѣшилъ, рѣшилъ скоро великую Тульскую задачу: „Да, Тула стоитъ того, чтобы написать ея исторію“. На другой день послѣдовало мудрое рѣшеніе допустить меня въ архивъ Тульскаго Губернскаго Правленія. Покровители мои думали, что здѣсь-то и скрываются всѣ историческіе источники для Тульской губерніи. Надежда не сбылась: найдены ландратскія книги и копіи съ писцовыхъ книгъ уѣздовъ Тульской губерніи. Вся тогдашняя наша знать воображала, что изъ Тульской исторіи выйдетъ исторія лучше Карамзина. Жалкая ошибка! Покровители мои были слишкомъ усердны, черезъ чуръ ретивы и не въ мѣру учены: они потребовали, чтобы я тотчасъ печаталъ; не шутя, требовали отъ меня того, чего я самъ не зналъ и не понималъ. Въ это время явилось у меня три соперника: *Т. Т. Хитровъ*, Благовѣщенскій священникъ, мечтавшій тоже писать исторію Тульской губерніи и доставшій себѣ тетрадь Ѳеофилакта Покровскаго, бывшаго учителя Тульской гимназіи; *Н. Ѳ. Андреевъ*, пріобрѣтшій бумаги В. А. Левшина о Тульской губерніи. Что было въ бумагахъ Покровскаго и Левшина, я никогда не могъ узнать: соперники мои отъ меня скры-

вали ихъ. Третій мой соперникъ былъ Тульскій мѣщанинъ *Грязевъ*: онъ писалъ самъ свои дневныя записки о Тульскихъ событіяхъ и имѣлъ какія-то записки отъ Вознесенскаго дьякона, прожившаго около ста лѣтъ. Хитровъ и Грязевъ оба померли, а Андреевъ, сначала мой близкій знакомый, а потомъ поклявшійся вѣчно мстить мнѣ, здравствуетъ и доселѣ. Послѣ отъѣзда моего изъ Тулы, спустя лѣтъ 10, явился новый претендентъ на писаніе Тульской исторіи. Онъ былъ моимъ хорошимъ знакомымъ, покровителемъ предъ Тульскими губернаторами и защитникомъ на судѣ Дамаскина и Стефана. Это *И. Ѳ. Афремовъ*, Бѣлевскій помѣщикъ, воспитанникъ морскаго кадетскаго корпуса, потомъ бывшій инспекторомъ въ Тульскомъ кадетскомъ корпусѣ, родственникъ Броневскаго и Левшина, по матери. Прежде всего онъ началъ печатать свою исторію въ Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (кажется съ 1842 года), а потомъ вздумалъ издать ее отдѣльно. Первая часть имъ напечатана въ 185* году, но цензурою доселѣ не выпущена.

Литературныя занятія мои направлены были исключительно съ 1825 года на Русскую исторію, странно и неожиданно. Разъ какъ-то былъ я въ бесѣдѣ, гдѣ два чужеземца нагло и дерзко увѣряли Русскихъ, что у нихъ нѣтъ своей исторіи. Мнѣ было горько и больно слышать эту нелѣпость; но я былъ безсиленъ: я не зналъ Русской исторіи; меня учили какой-то безсвязной исторіи по Шрекку. Эти два наглеца, проповѣдавшіе безтолковымъ слушателямъ гиль, были гувернеры, изъ Нѣмецкой породы, оставшіеся просвѣщать Русскія головы послѣ 1812 года, изъ числа мародеровъ. Въ небольшой библіотекѣ моего отца *) нашелъ немного о Русской исторіи: книгъ пять или шесть. Я прибѣгнулъ съ моимъ горемъ къ свящ. Н. И. Иванову; онъ далъ мнѣ для чтенія исторію Карамзина, передалъ многое о наглецахъ, въ особенности о наглецахъ изъ Нѣмецкой породы, таскающихся по Россіи съ своимъ дикимъ и безграмотнымъ просвѣщеніемъ. Долго и много читалъ я Карамзина. Здѣсь-то узналъ я родину и научился любить Русскую землю и уважать Русскихъ людей. Среди чтенія исторіи Карамзина являлась всегда одна мысль: что же такое Тула и какъ жили наши отцы? Въ этой мысли зародилось первое желаніе писать, первая жажда, терзавшая меня 25 лѣтъ неотступно и безпощадно. Я безотчетно рѣшился тогда писать Тульскую исторію. Въ исторіи Карамзина промелькали указанія о Тульскихъ событіяхъ. Первыя мои занятія состояли изъ выписокъ Карамзина, по годамъ, о Тульскихъ событіяхъ. Я узналъ исторію моего отечества; но не могъ узнать изъ исторіи Карамзина о Тульскихъ древностяхъ. Разочарованіе совершилось со мною въ Тульской Казанской церкви, построенной въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Здѣсь-то я узналъ, что такое древности и что́ нужно для мѣстной исторіи. Копія съ жалованной граматы и древніе царскіе образа съ надписями навели меня на мысль, что древности надобно изучать по наличнымъ памятникамъ въ архивахъ, а не въ новыхъ книгахъ. Я началъ переходить отъ одного предмета къ другому. Въ Тулѣ немного хранилось древностей: другихъ мнѣ не хотѣли

*) Отецъ И. П. Сахарова принадлежалъ также къ Тульскому священству. *П. Б.*

и показать, просто отъ зависти. Такъ поступилъ со мною *К. М. Органовъ*, протопопъ Успенскаго собора. Мнѣ въ глаза говорили: „Занимался бы ты своимъ дѣломъ! На что намъ твоя исторія Тулы? Жили мы счастливо безъ ней до тебя, проживемъ и послѣ тебя, также весело и покойно“. Другіе кивали головами и повсюду говорили обо мнѣ: „пропалъ малый безъ толку, ничего изъ него путнаго не будетъ“.

Въ Тулѣ немного было людей, читавшихъ и думавшихъ о чемъ нибудь. Вся ученость гнѣздилась въ кадетскомъ корпусѣ, и то со времени прибытія туда В. Б. Броневскаго и И. Ѳ. Афремова; въ Тульской гимназіи Ѳ. Г. Покровскаго, С. Д. Нечаева, Е. Н. Воронцова-Вельяминова; въ Тульской семинаріи, со времени перваго епископа Меѳодія Смирнова и втораго Амвросія Протасова. Всѣ эти заведенія имѣли разныя направленія. Учителя ихъ жили непріязненно, не сходились въ думахъ о просвѣщеніи, судили и думали каждый по своему. Библіотекъ было въ городѣ мало; но и тѣ были казенныя, мнѣ недоступныя. Двѣ книжныхъ лавки, Титова и Персіянинова, снабжали городъ новыми и старыми книгами. Просвѣщеніемъ дворянства завѣдывали гувернеры и гувернатки, люди безъ всякаго образованія въ наукахъ. Съ ними входили въ деревенскіе семейные круги развратъ, нахальство, неуваженіе къ родителямъ, пренебреженіе къ вѣрѣ отцовъ и постыдное вольнодумство. Не думаю, чтобы за послѣднія слова обвинили меня. Скорѣе будутъ думать, что это сказано изъ ненависти къ чужеземцамъ. Ни съ кѣмъ не спорю. Переворотъ, затѣянный въ Россіи чужеземцами для направленія къ революціоннымъ идеямъ Русскаго воспитанія, не есть тайна. Стоитъ только вспомнить основаніе Александровскаго Лицея, борьбу аббата Николя противъ этого учрежденія и рѣшимость императора Александра Павловича противъ ученія чужеземцевъ. На каждое, сказанное мною слово, я готовъ привесть сотни примѣровъ, мною самимъ видѣнныхъ.

Въ цѣлой губерніи было много людей истинно образованныхъ, полезныхъ родинѣ и семейству, получившихъ образованіе не изъ рукъ жалкихъ и презрѣнныхъ бродягъ, но въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Они жили больше въ помѣстьяхъ отдѣльною жизнію и не сходились съ городскими пьяницами и игроками. На нихъ былъ свой отпечатокъ: спокойствіе и мирная жизнь. Бѣдному человѣку, безъ связей и средствъ, трудно было пробраться въ кругъ этихъ людей. Это я испыталъ самъ. Года два жизни стоило мнѣ, чтобы обратить только вниманіе ихъ на себя. Вспоминаю все это теперь не для обвиненія ихъ, а говорю потому только, какъ тогда у насъ образованные люди жили отдѣльно, какъ тогда рѣзко отличалось истинное образованіе отъ фальшиваго, гувернерскаго, какъ мало вѣрили прежде бродягамъ. Не знаешь, чему удивляться: легковѣрію ли новаго поколѣнія первой четверти XIX вѣка, или твердости стариковъ, сознавшихъ свое родное достоинство, при переворотѣ воспитанія, предпринятаго чужеземными бродягами. Время взяло свое: женщины наши все перепутали, имъ надобна была Французская болтовня, имъ надобны были танцы, имъ надобны были кокетство и разсѣяніе въ жизни. Во всемъ этомъ они опирались на гуверперство. Вотъ отъ чего скоро раз-

велась у насъ порода гувернантокъ; вотъ отъ чего охота къ чужеземному воплотилась въ дѣла, воплотилась въ привычки и пошла рука объ руку съ дворянскимъ просвѣщеніемъ, ложнымъ, безполезнымъ и вреднымъ для нашего отечества. Немного надобно людямъ, чтобы понять всю опасность такого ложнаго просвѣщенія; но многіе ли хотѣли видѣть эту страшную бѣду нашего отечества? Повсюду за нею стремились съ какимъ-то обаяніемъ и восторгомъ.

Вообще гувернерское просвѣщеніе Русскихъ людей можно раздѣлить ва три эпохи, сгубившія нашу родину. Первая явилась послѣ первой Французской революціи, когда эмигранты толпами прибѣгали въ Россію; ови охватили тогда высшій кругъ дворянства, жившій въ столицахъ; ихъ вліянію все покорилось рабски. Матушки за нихъ спѣшили отдать своихъ дочекъ, чтобы величать ихъ маркизами и герцогинями; батюшки обрадовались вольнодумству; сынки кинулись въ развратъ со всею наглостію, руководимые во всемъ эмигрантами. Эта эпоха длилась до 1812 года и тихо подрывалась подъ основной бытъ Русскаго образованія, освященнаго вѣрою и событіями тысячи лѣтъ. Въ эту эпоху началось выписываніе Французовъ и Француженокъ, Нѣмцевъ и Нѣмчурокъ нашими путешественниками, ѣздившими на показъ въ Фернейскій замокъ и Парижъ. Тогда, хотя и изрѣдка, начали разводить пансіоны, мужскіе и женскіе, подъ защитою выписныхъ Нѣмецкихъ профессоровъ Московскаго университета, Шадена, Шварца и другихъ. Бѣглыя и наглыя Француженки открыли въ этихъ вертепахъ постыдный торгъ честью Русскихъ женщинъ и Русскихъ дѣвушекъ. Сколько сгубили тогда дѣтей: въ десять, двѣнадцать лѣтъ мальчики пили мертвую чашу и знали всѣ продѣлки разврата!

Вторая эпоха началась съ изгнаніемъ Французской арміи въ 1812 году изъ Россіи. Просвѣтителями этой эпохи содѣлались безсмысленные остатки отъ разбитой Наполеоновской арміи; тогда плѣнныхъ Французовъ, Нѣмцевъ, Баварцевъ, Саксонцевъ разбирали ва расхватъ и ввѣряли имъ своихъ дѣтей. Съ этого времени водворилось всеобщее несчастіе въ моемъ миломъ и безцѣнномъ отечествѣ. Кухарки, прачки, сапожники, портные начали просвѣщать Русскихъ въ разводимыхъ пансіонахъ; ихъ наемному усердію и уму ввѣряемы были на попеченіе Русскія головы малютокъ, которыхъ теперь вижу уже взрослыми, съ образованіемъ вполнѣ гувернерскимъ, съ идеями объ космополитизмѣ, съ презрѣніемъ къ Россіи, съ невѣжествомъ, прикрытымъ фракомъ и ясными пуговицами. Эти отверженцы, не сознающіе чести и славы родины, думаютъ и дѣлаютъ все по чужеземному, по внушеніямъ бродягъ. Не говорю уже о женщинахъ этой отвратительной эпохи, глубоко упавшихъ своею развратностію и прославившихъ себя наглостію. Нынѣ они стараются свои грѣхи прикрыть ханжествомъ, глупымъ обманомъ о высокой чести ихъ молодости. Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 года; но она оставила гибельныя послѣдствія на цѣлое столѣтіе. Этимъ орудіемъ думали заморскіе демагоги приготовить въ Россіи что-то въ родѣ 14-го Декабря *).

*) Въ этой эпохѣ относится такое удивительное явленіе, что бывшій секретарь Робеспьера очутился ректоромъ С.-Петербург-

Третья эпоха началась пріѣздомъ гувернантокъ по требованію поставщиковъ. Старые гувернеры, безъ зубъ и волосъ отъ лакомства меркуріемъ, изгнанные изъ дворянскихъ домовъ, прибѣгли къ новымъ продѣлкамъ: начали выписывать Француженокъ и Нѣмокъ для поставокъ въ дома глупыхъ матушекъ, алкавшихъ Французскаго просвѣщенія и заморскаго разврата. Магазины Кузнецкаго моста, Невскаго проспекта и знаменитаго Ревельскаго подворья наполнены были бродягами-просвѣтительницами. Отсюда поставщики высылали гувернеровъ и гувернантокъ, съ огромными цѣнами и нелѣпыми требованіями. Батюшки и матушки соглашались на всѣ цѣны и требованія, лишь бы имѣть заморское чучело, которое бы презирало Русское слово, омрачало Русскій умъ и унижало Русскаго человѣка. Дочки и сынки, мои милые, (не скажу болѣе несчастные) современники поступили въ ихъ опеку. Вглядите на нихъ и скажите, какъ предъ Богомъ, положа руку на сердце: много ли въ нихъ есть Русскаго? Видите ли вы въ ихъ дѣлахъ что́ нибудь къ чести и славѣ Русскаго ума? Лежитъ ли ихъ сердце къ Россіи? Любятъ ли они горячо свою родную Русь? Радуются ли они ея радостямъ? Скорбятъ ли объ ея несчастіяхъ и горяхъ? Не мнѣ отвѣчать на эти вопросы. Мнѣ отраднѣе не вспоминать объ этомъ постыдномъ времени. Пускай другіе договорятъ конецъ за меня и послѣ меня.

Я вышелъ съ Тульскою исторіею въ третью эпоху, когда увлеченіе къ иноземному было во всемъ разгарѣ, когда повсюду преобладало невѣжество, и Нѣмецъ кощунствовалъ надъ истиннымъ Русскимъ просвѣщеніемъ. Я видѣлъ много избранниковъ Божіихъ, смотрѣвшихъ съ презрѣніемъ на чужеземное воспитаніе. Вотъ отъ чего они чуждались Французскихъ шарлатановъ и ихъ воспитанниковъ. Вотъ отъ чего они удалялись отъ людей свѣтскихъ, проводившихъ время или за виномъ, или за картами. Самое удаленіе сближало ихъ съ просвѣщеніемъ, съ литературою, съ истиннымъ понят емъ объ отечествѣ и своихъ обязанностяхъ.

Вотъ отъ чего мнѣ, бѣдному трудно было попасть въ эти круги. Благодарю Господа, что надъ моею головою не работала ни одна Французская тварь. Горжусь, что вокругъ меня не было ни однаго Нѣмецкаго бродяги. Я не преклонялся ни предъ однимъ сапожникомъ-Французомъ и не принималъ отъ него наставленій какъ презирать отца и мать, какъ ненавидѣть родину, какъ расточать достоянія отцевъ и дѣдовъ. За меня ни одной Русской копѣйки не перешло въ карманъ бродягъ. Мена не морочили они лучшимъ вкусомъ къ изящному, понятіями о высокомъ и прекрасномъ, существующимъ будто исключительно въ Германіи и Франціи. М рзенштейны и Скотенберги, заморскіе бродяги высшаго сорта, не появлялись тогда въ Тулѣ; я ихъ встрѣтилъ впервыя въ Москвѣ.

Въ Январѣ 1830 года мои покровители рѣшили напечатать въ журналахъ разные отрывки изъ моей несчастной Тульской исторіи. Какъ я, такъ и они не были знакомы съ журналистами. Жребій выпалъ дѣйствовать чрезъ книгопродавца Титова и овощнаго продавца Назарова. Первый ѣздилъ въ С. Петербургъ за книгами, а второй въ Моск-

скаго университета (см. Р. Архивъ 1869, стр. 306) *П. Б.*

ву за чаемъ и сахаромъ Титову знакомъ былъ В. Н. Берхъ, и ему вручили письмо и копію съ грамоты XVII вѣка. Этимъ дѣйствіемъ И. Ѳ. Афремовъ думалъ начать литературныя сношенія съ С. Петербургомъ. Бергъ отвѣчалъ мнѣ учтивымъ письмомъ за присылку, а грамоту напечаталъ послѣ въ книгѣ: *Царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича*, въ 1832 году. Назаровъ знакомъ былъ въ Москвѣ съ граверомъ *Аѳанасьевымъ*, считавшимся почему-то другомъ Раича. Е. Н. Воронцовъ - Вельяминовъ полагалъ, что на первый разъ должно избрать для печатанія статей журналы тихіе, скромные, менѣе извѣстные. Онъ избралъ Галатею. И. Ѳ. Афремовъ долго негодовалъ на Воронцова, на меня за этотъ выборъ, считая Галатею душегубкою Тульской губерніи: въ его глазахъ Телеграфъ и Н. А. Полевой были главными представителями Европейскаго просвѣщенія въ Россіи. Послѣ узнали мы, что онъ бралъ секретно у Назарова мою статью, переправилъ по своему слогъ и фразы, выкинулъ всѣ цитаты, какъ тяжелый возъ для несчастнаго журнала, по его словамъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1830 года появилась въ печати моя первая статья, первенецъ всѣхъ несчастій, гоненій и ссоръ съ добрыми и недобрыми. Д. Т. Комаровъ отнялъ отъ Назарова Галатею и повезъ развозить ее по всему городу на показъ, какъ диво дивное. На Галатею въ Тулѣ едвали тогда было пять подписчиковъ.

Добродушный Е. Н. Воронцовъ пригласилъ къ себѣ многихъ на вечеръ доказать всѣмъ свое участіе въ родномъ дѣлѣ. Здѣсь я въ первый разъ встрѣтилъ изъ Тульскихъ мистиковъ: *Тейльса*, *Шварца*, *Ав. Лар. Сафонова*, *Новокщенова*; изъ учителей гимназіи помню *Сытина* (отецъ его былъ въ Орлѣ учителемъ, мистикомъ и имѣлъ свою типографію). Здѣсь я познакомился съ *И. Т. Родожицкимъ* (бывшимъ тогда директоромъ Тульскаго оружейнаго завода) и метафизикомъ *Тихменевымъ*. Другихъ лицъ теперь не упомню. Е. Н. Воронцовъ открылъ засѣданіе рѣчью и послѣ рекомендовалъ меня своимъ знакомымъ. Помню *Анд. Алек. Левшина*, старика тихаго, кроткаго и плакавшаго отъ радости. Одни только мистики смотрѣли на меня сомнительно и недовѣрчиво. *Д. Т. Комаровъ* едва отъ радости не плясалъ. Засѣданіе это послѣ было названо литературнымъ вечеромъ въ запискѣ Комарова, сочиненной на другой день и развозимой имъ по городу. Не знаю, цѣла ли эта записка; знаю только, что она была причиною многихъ для меня непріятностей. Признаюсь откровенно, что это движеніе людей къ обобщенію мыслей радовало меня, какъ первое явленіе въ моей жизни. Другимъ очень не нравилось это оглашеніе меня предъ публикою, и многіе въ слухъ бранили меня довольно невѣжливо. За первую ничтожную журнальную статью меня судили и едва было не лишили всего грядущаго въ моей жизни. Весь вопросъ заключался въ томъ: какъ смѣлъ мальчишка печатать въ журналѣ свое сочиненьишко? Искру этого суда зажегъ Ѳ. Э. Громницкій, бывшій на Троицынъ день въ гостяхъ, вмѣстѣ съ Тульскимъ епископомъ Дамаскинымъ, у священ. Никанора Ивановича Иванова. Къ счастію моему, этотъ судъ кончился скоро, безъ вреда, по горячему участію, принятому въ этомъ дѣлѣ И. Ѳ. Афремовымъ, Е. Н. Воронцовымъ, Андр. Алек. Левшинымъ и Ев. Ев. Штаденомъ. Тутъ я

въ первый разъ узналъ, что есть на свѣтѣ горе, что есть и люди желающіе дѣлать зло. Но увы, это горе мало научило меня. Я быстро, безотчетно, съ какимъ-то увлеченіемъ летѣлъ къ новымъ непріятностямъ. Дорога жизни была для меня очень трудна; у меня во всемъ свѣтѣ не было ни одного руководителя. Все это происходило почти въ послѣдніе дни моего разставанія съ старымъ бытомъ, когда уже я рѣшился твердо оставить Тулу, оставить милую родину и вступить въ новую жизнь, среди неизвѣстной мнѣ Москвы.

Для исторіи Тульской губерніи было собрано очень много матеріаловъ; но за то поѣздка по губерніи доставила мнѣ много запасовъ для узнанія *Русской народности*. Ходя по селамъ и деревнямъ, я вглядывался во всѣ сословія, прислушивался къ чудной Русской рѣчи, собиралъ *преданія* давно забытой *старины* и не вѣрилъ своимъ глазамъ: тотъ ли это историческій народъ, котораго дерзаютъ презирать заморскіе бродяги? Непостижимо громадная Русская жизнь, непостижимо разнообразная во всѣхъ своихъ явленіяхъ, раскрывалась предо мною въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Во Владимірѣ, Ростовѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ она уже не удивляла меня болѣе; въ ея гигантскихъ размѣрахъ я уже видѣлъ исполина, несокрушимаго никакими переворотами. И этого Русскаго человѣка, стараго обитателя Европы, учившагося уму и разуму въ Царьградѣ, съ IX вѣка имѣвшаго свою тысячелѣтняго грамоту, вздумали безродные бродяги переучивать по своему, перевоспитывать на свой ладъ. Въ годину страданій, тяжкихъ для Русскаго просвѣщенія, новое возникающее поколѣніе, болѣе крѣпкое духомъ нежели отцы ихъ, вдругъ сознаётъ свое родовое достоинство и обращается къ старой Русской жизни. Русская народность смѣло и торжественно превозглашается въ Россіи. Императоръ Николай Павловичъ ни мало не усумнился принять нашу народность подъ свою защиту и сдѣлать ее символомъ министерства народнаго просвѣщенія. Онъ ясно разгадалъ грядущую славу Россіи; онъ одинъ понялъ вазначеніе Русской земли. Бродя по Россіи, собирая преданія, я не предчувствовалъ тогда, что наша родная народность можетъ такъ скоро огласиться и быть мѣриломъ оцѣнки старой Русской жизни и новаго Европейскаго образованія. Было время, когда я слышалъ, какъ въ городахъ и селахъ Русскіе, наученные заморскими бродягами, съ презрѣніемъ говорили, что Русскій языкъ есть языкъ холопскій, что образованному человѣку совѣстно читать и писать поруски, что наши пѣсни, сказки и преданія глупы, пошлы и суть достояніе подлаго простаго народа, деревенскихъ мужиковъ и бабъ; что наша народная одежда (повязка, кокошникъ, сарафанъ и кафтанъ) заклеймены презрѣніемъ, осуждены Европою на изгнаніе и носятъ на себѣ отпечатокъ холопства, вынесеннаго изъ Азіи. Такъ думали и говорили тогда наши огаженные Европейцы. Вотъ мысль, на которой держалось и держится глупѣйшее повѣріе, что Русскіе благородные люди должны говорить повсюду на Французскомъ языкѣ, читать только Французскіе романы и газеты, одѣваться исключительно въ платья, придуманныя исключительно Французскими модистками. Благодарю Бога, что я дожилъ до того времени, когда Русскіе начали возвращаться

къ Русскому языку, къ Русской народности и къ Русской одеждѣ. Прекрасное начало этого перехода болѣе всего отразилось на молодомъ поколѣніи, готовомъ усвоить себѣ вполнѣ Русскую жизнь, мощную и крѣпкую только по своей вѣрѣ и народности. Борьба стараго поколѣнія съ Русскимъ началомъ, явившимся въ защиту Русской самостоятельной жизни, жалка и смѣшна. Невѣжество нашихъ дикихъ Европейцевъ, опирающееся на одинъ Французскій языкъ, плохой авторитетъ въ этой борьбѣ. Напрасно они думаютъ, что Русскія дѣвы, Русскія барыни не бросятъ Французской болтовни и будутъ всегда служить оплотомъ противъ Русской народности. Мы очень хорошо знаемъ нашихъ жалкихъ воспитанницъ заморскихъ бродягъ, какъ людей безграмотныхъ, безъ всякихъ познаній. Мы знаемъ, что онѣ въ борьбѣ съ умомъ окажутся самыми плохими ратницами: ихъ разобьютъ въ пухъ и прахъ. Развѣ исключительное чтеніе Французскихъ романовъ, принятое Русскими барынями въ основу просвѣщенія, есть образованіе? Развѣ это есть право на грамотность? Развѣ съ такими ограниченными запасами можно отваживаться на борьбу съ непобѣдимымъ началомъ Русской жизни? Напомнимъ имъ только, что въ эту борьбу вступаетъ одно сословіе, довольно сильное своимъ значеніемъ въ обществѣ, но лишенное всѣхъ капиталовъ и промотавшее достояніе отцевъ на поѣздки за границу, на выписку глупыхъ гувернеровъ и на заморскія моды, сословіе идущее впереди всѣхъ, дѣятельное въ судахъ и службѣ, но разрозненное въ основныхъ понятіяхъ съ своими дѣтьми, сословіе потерявшее вѣру своихъ отцевъ въ вольнодумствѣ гувернеровъ, сословіе омраченное предпочтеніемъ ко всему иностранному. Борьба будетъ продолжаться долго, пока пройдутъ два-три устарѣвшія поколѣнія; когда перемрутъ жалкіе представители Французскаго воспитанія, когда Русскіе дойдутъ до сознанія, что Русскимъ людямъ нужно Русское воспитаніе, взятое изъ коренныхъ началъ Русской жизни и принятое изъ рукъ Русскихъ людей. Наше Русское боярство, знаменитое своимъ происхожденіемъ, своимъ родовымъ достоинствомъ, своими заслугами отчизнѣ въ бояхъ и думахъ, первое должно бы было ополчиться твердостію своего духа противъ народнаго перестроя, первое должно бы отвергнуть его; но оно, добровольнымъ подчиненіемъ гувернерству, омрачило доблести и быстро пошло въ разрушенію. Самостоятельность его постепенно терялась въ порабощеніи бродягамъ. Русскому человѣку грустно было смотрѣть, какъ это передовое Русское сословіе, надѣленное всѣми правами и льготами отъ Государей, удалялось отъ коренныхъ Русскихъ началъ, какъ его дѣти, отъ сближенія съ западными бродягами, выразилось въ отчизнѣ лишеніемъ народнаго уваженія, искательствомъ мѣстечка въ прихожихъ, жаждою въ неоплатимымъ долгамъ, потерею значенія въ родовомъ бытѣ и іерархическомъ составѣ, угодливостію и ласкательствомъ къ сильному временщику, къ богатому откупщику и къ своему отпущенному холопу — изъ денегъ, денегъ и денегъ. Это роковое паденіе началось въ XVIII столѣтіи, и въ наше время, страшно подумать, дошло до гибельныхъ размѣровъ. Изъ увлженія къ своимъ воспитателямъ, къ Нѣмцамъ и разной запад-

ной твари, они открыли чужеземцамъ свободный входъ въ Русскую службу, ввѣрили ихъ управленію своихъ крестьянъ и сдали все Русское хозяйство экономамъ и экономкамъ. Эти покровители чужеземства давно уже покоятся въ могилѣ; но на ихъ дѣтяхъ легло тяжелое ярмо Нѣмца. Смотрите, съ какою наглостію этотъ бродяга отталкиваетъ дѣтей Русскихъ дворянъ отъ Русской службы. Прислушайтесь, какъ онъ клеймитъ Русскихъ юношей неспособностію къ службѣ, невѣжествомъ въ дѣлахъ. Все это дѣлается изъ видовъ доставленія выгоднаго мѣстечка своему брату-Нѣмцу. Гдѣ заведется одинъ Нѣмецъ, тамъ чрезъ годъ, много уже чрезъ три, заведутся Нѣмцы толпами; тамъ нѣтъ уже Русскимъ житья. Русскій человѣкъ, бѣги отсюда скорѣй, или тебя выгонятъ съ безчестіемъ, какъ злодѣя. Загляните въ суда, и вы увидите, какъ Нѣмецъ дерзко насмѣхается надъ угнетеніемъ несчастной вдовы съ сиротами, какъ нагло обираетъ просителей. Посмотрите вдаль отъ столицы, въ наши села и деревни, и вы изумитесь безнаказанности Нѣмца - управителя, грабящаго Русскаго поселянина. Въ Россіи вошло въ пословицу: „Нѣмцу все съ рукъ сходитъ. Нѣмецъ всегда правъ. Честный Нѣмецъ!“ Да была ли когда у Нѣмца честь?

За дворянствомъ вслѣдъ увлеклось и ваше степенное купечество. Молодое поколѣніе этого сословія, изъ подражанія и хвостовства превзойти дворянство въ роскоши и отважной жизни, перещеголять его развратомъ и мотовствомъ, пустилось во вся тяжкая. Отданіе дочекъ въ подлѣйшіе пансіоны на выучку Французской болтовнѣ и заморскимъ пляскамъ, восхищаетъ батюшекъ и матушекъ. На это не жалѣютъ они тысячей. Неужели въ этихъ постыдныхъ притонахъ разврата можно приготовить изъ дочерей будущихъ матерей семейства, благочестивыхъ, кроткихъ, въ духѣ вѣры нашихъ отцевъ, помнящихъ обязанности доброй жены, нѣжной матери, усердной хозяйки! Посмотрите на матушекъ, какъ онѣ, самодовольныя чужеземной болтовней, заморскими нарядами, въ избыткѣ чувствъ восхваляютъ дочекъ: „Посмотрите, Анна Ивановна: какова моя Наташа! Настоящая дворянка!“ Нерѣдко слышимъ, какъ сановитый купецъ, въ неописанной радости отъ заморскаго воспитанія, восклицаетъ на балахъ: „Глянько, глянь-ко, Матрена Сидоровна! Какъ моя Анюта-то шибко танцуѣ! Да и молвитъ словечко, такъ ужъ ловко, не по нашему. Любо слушать, какъ поведетъ на фортоплясахъ трели и пѣньё.“ На другой день, послѣ бала, являются толпы свахъ съ хвалебными отзывами о женихахъ для несчастныхъ Анютъ. „Вотъ вамъ, матушка, женихъ! Это не какой никакой нибудь бородачъ, прости Господи, аршинникъ, подпоясанный веревкой. Это человѣкъ чиновной, въ офицерскомъ рангѣ, истый дворянинъ.“ На долю Анютъ вытаскиваютъ свахи болѣе всего чиновниковъ, людей бездомовныхъ, вѣчно голодныхъ, или офицеровъ съ неоплатимыми долгами, нерѣдко воспламеняющихся азартными играми и виномъ. И вотъ для какихъ людей воспитываетъ своихъ Анютъ наше заживное купечество, чуждающееся браковъ съ своими собратіями - бородачами. Развѣ этотъ уродливый переломъ можно назвать образованіемъ? Развѣ этого ожидаетъ Россія отъ степеннаго купечества? Вся эта комедія понятна только лю-

дямъ, разгадавшимъ цѣль гувернерскаго образованія, вполнѣ неоцѣненный прогрессъ Запада и завидную Европейскую цивилизацію.

Изъ этихъ двухъ сословій немногіе поняли значеніе Русской народности, а еще менѣе разгадали величіе и могущество нашего вѣковѣчнаго Православія. Могли ли они постигнуть дѣйствія покойнаго Императора Николая Павловича, избравшаго народность и Православіе символами министерства народнаго просвѣщенія? Это явленіе было не дѣломъ случая, не минутною прихотью могучаго властелина. Нѣтъ, оно образовалось изъ событій, приготовившихъ счастливый переворотъ, вопреки чужеземныхъ желаній. Россія начала возвращаться къ основнымъ Русскимъ началамъ, послѣ двухсотлѣтняго испытанія, послѣ сознанія своихъ силъ, своихъ нуждъ. Императоръ скорѣе всѣхъ созналъ вѣковую мысль, что для Русской имперіи нужны Русскія начала, вѣрнѣе всѣхъ разгадалъ грядущую нужду Русскаго народа. Онъ одинъ могъ вовсей Россіи привесть эту мысль во исполненіе. Его воля въ этомъ дѣлѣ была сильна; нужны были исполнители. Жребій выпалъ тогда на С. С. Уварова, кн. Ширинскаго-Шихматова и А. С. Норова. Какъ олицетворится эта мысль? Поймутъ ли исполнители его воли широкій объемъ Русской народности? Это особые вопросы, зависящіе отъ событій, отъ людей, назначенныхъ къ исполненію этой мысли. Для будущихъ поколѣній весьма поучительно будетъ знать, какъ мы, современники этого великаго событія, поняли грядущую великую задачу Императора Николая Павловича и какъ исполнители велѣній его предначертали планъ для разрѣшенія этой задачи. Не скрою, что милые соотечественники различно понимали эту задачу. Дорожившіе честью и славою отечества восхищались великою мыслію Императора и заранѣе торжествовали успѣхи грядущихъ поколѣній. Другіе, не видѣвшіе быстрыхъ успѣховъ, мало вѣрили грядущему событію. Третьи, къ стыду нашего времени, какъ жалкіе воспитанники Французскихъ и Нѣмецкихъ бродягъ, восклицали: „Народность есть вѣрный признакъ демагоговъ. Какъ смѣть ставить ее рядомъ съ Православіемъ и Самодержавіемъ?“ Бездарные глупцы! Вы, какъ достойные ученики своихъ невѣжей-воспитателей, не можете понять, чего не проповѣдывали вамъ ваши учителя, бѣжавшіе изъ родины, заклейменные позоромъ и преступленіями, не имѣвшіе во всемъ свѣтѣ ничего родного, ничего привѣтливаго, ничего священнаго. Вы не вѣдали, какъ они обучали васъ космополитизму и отреченію отъ родины. Васъ они напитывали презрѣніемъ къ Россіи, неуваженіемъ къ вѣрѣ отцевъ, ненавистью къ отцамъ и матерямъ.

Вамъ ли, жалкимъ рабамъ гувернерства, постигать основныя начала Русскаго самостоятельнаго государства? Вамъ ли, омраченнымъ невѣжествомъ, знать силы Россіи? Вспомните! Развѣ Русскій Императоръ рожденъ управлять сволочью, толпою, перестроенною на Нѣмецко-французскій ладъ? Императоръ Николай желалъ повелѣвать въ Русской землѣ истинно-русскими людьми; онъ желалъ имѣть подданными людей, преданныхъ родинѣ душею и сердцемъ, людей, движимыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ Русскими кореннными началами. Развѣ Нѣмецъ можетъ быть опорою Русскаго трона? Развѣ Французъ можетъ защищать честь Рус-

ской земли? Развѣ Англичанинъ торгуетъ въ пользу Россіи? Мы, Русскіе, знаемъ, что у насъ есть своя родина, есть свой родной языкъ, есть своя основная граматность, есть своя одежда, есть свои завѣтныя преданія: благоговѣніе и неизмѣнность къ вѣрѣ отцевъ, уваженіе и покорность къ царямъ, почтеніе къ родителямъ, любовь къ своей исторіи, радость и восторгъ къ своимъ историческимъ людямъ. Мы знаемъ, отъ чего Русскіе люди чтятъ Пожарскаго, Минина, Сусанина, Румянцова, Суворова, и презираютъ наемныхъ бродягъ, толпами являвшихся въ Россію съ предложеніемъ своихъ услугъ изъ денегъ и чиновъ. Вотъ наша народность и ея значеніе въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Наша вѣковая народность была непонятна западному прогрессу, любящему быстро перелетать отъ одного предмета къ другому, быстро измѣняющему свои мысли и свои дѣла. Вотъ отъ чего она чужда и Европейской цивилизаціи, основанной на разрушеніи всякой народности и стремящейся къ олицетворенію революціонныхъ началъ.

Европа, еще при Петрѣ Великомъ, зорко подсмотрѣла буущую участь Русской земли, предназначенную ей свыше. Изумленная неистощимыми силами нашей родины, она дружно приступила къ разрушенію основныхъ Русскихъ началъ. Первое пораженіе, первый натискъ Европы былъ на Русскую народность. Перестрой Русскихъ людей на заморской ладъ былъ начатъ съ сословій дворянскаго и купеческаго. Духовенство и крестьяне оставлены были въ покоѣ, но на время. Западники полагали разбить ихъ въ другомъ сраженіи. Въ этомъ они горько ошиблись. Православная ваша вѣра вытерпѣла страшныя истязанія отъ Запада. Европа не могла слышать безъ бѣшенства имени нашего Православія. Начали съ того, что тысячами навязывали намъ всѣ существовавшія ереси, начиная съ Гордоновой компаніи до Татариновой. Отвсюду стекались къ намъ ересіархи, званые и незваные. Какимъ вздоромъ не манили они насъ! Выходцы наградили насъ ложными книгами для отдаленія насъ отъ сочиненій отцевъ церкви; исказили чудную нашу церковную архитектуру, для истребленія всякаго воспоминанія о древнемъ молитвенномъ храмѣ Русской церкви; изуродовали наше древнее церковное пѣніе для уничтоженія родныхъ звуковъ, напоминавшихъ намъ о старославянскомъ славословіи Божіемъ съ IX вѣка; вмѣсто благоговѣйно-чтимой святыни, наградили насъ Итальянскою живописью. Глупцамъ нашимъ предлагали промѣнять родную вѣру то на католицизмъ, то на лютеранизмъ, то на кальвинизмъ, то на іезутизмъ. Насъ пробовали сбить съ толку: философскими системами, миститизмомъ, сочиненіями Вольтера, Шеллинга, Баадера, Гегеля, Страуса и ихъ послѣдователей. Нашимъ отцамъ только и твердили: оставь свое Православіе, какъ тяжелую ношу; выбери для себя любую вѣру, свободную отъ предразсудковъ и постовъ. Бѣдная Русь, чего только ты не вытерпѣла отъ западныхъ варваровъ!

Западныя ополченія противъ Русскаго самодержавія начались въ XVIII столѣтіи. Европѣ страшно было видѣть на твердой землѣ независимаго Русскаго Государя, могучаго и несокрушимаго исполина, окруженнаго безпредѣльною преданностію подвластнаго ему народа, огражденнаго неизмѣримою любовію подданныхъ къ не-

му и всему его потомству. Европейскіе коноводы раздоровъ и мятежей начали возставать противъ Русскаго Самодержавія, когда полагали, что Русская народность погибла навсегда, что для Русскаго Православія довольно впущено всемірныхъ ересей и расколовъ. Къ счастію Русской земли, они не поняли, что крѣпость нашего Самодержавія создана была Владиміромъ Великимъ, Іоанномъ III и Петромъ Великимъ, тремя могучими Государями, ниспосланными свыше для возрожденія, величія и счастія Русской земли. Самодержавіе, основанное и укрѣпленное ими, просуществовало въ Россіи тысячу лѣтъ и будетъ, при помощи Божіей, существовать еще долго, долго до позднѣйшихъ временъ.

Война противъ трехъ началъ независимой самостоятельности Русской земли продолжится столѣтія. Устоитъ ли Русскій народъ въ этой войнѣ противъ враговъ? Вѣдаетъ одинъ Богъ. Борьба Русская съ врагами нашей самостоятельности ознаменована была всѣми возможными страданіями. Россія много выстрадала, много перенесла скорбей, лишеній и горестей, но устояла противъ всѣхъ нашествій, всегда выходила со славою и торжествомъ. Надъ нею бдитъ Русскій Богъ. Предъ Нимъ однимъ она благоговѣетъ и Ему одному преклоняетъ свою выю.

II.

АТТЕСТАТЪ,

выданный И. П. Сахарову изъ Императорскаго Московскаго Университета.

По указу Его Императорскаго Величества, изъ Правленія Императорскаго Московскаго Университета, лѣкарю 1-го отдѣленія Ивану Сахарову, сыну священника Петра Андреева, рожденному 1807 года Августа 29 дня, въ томъ, что онъ первоначально обучался въ Тульской духовной семинаріи разнымъ языкамъ и наукамъ, откуда, по окончаніи семинарскаго курса, уволенъ въ епархіальное вѣдомство 1830 года Августа 21 дня; потомъ, по увольненіи изъ духовнаго званія, того жъ года Декабря 8 числа принятъ по экзамену въ сей Университетъ своекошнымъ студентомъ и слушалъ слѣдующія профессорскія лекціи: Минералогіи, Ботаники, Зоологіи, Математико-физики, Химіи, Фармаціи, Анатоміи, Физіологіи, Патологіи, Терапіи, Фармакологіи, наукѣ сочинять рецепты, Хирургіи, Повивальнаго искусства, о болѣзняхъ беременныхъ, рожаницъ и дѣтей, судебной медицинѣ, медицинской полиціи, наукамъ: о глазныхъ болѣзняхъ и хирургическихъ повязкахъ, исторіи медицины, Акіургіи и ветеринарной наукѣ, съ превосходными успѣхами, при отличномъ поведеніи.—Сего 1835 года Іюля 18 числа, по выдержаніи экзамена на степень лѣкаря, отправленъ былъ для практики въ Московскую градскую больницу, и 9 Октября утвержденъ лѣкаремъ перваго отдѣленія; а нынѣ съ симъ отъ Университета уволенъ. Данъ въ Москвѣ. Ноября 4 дня 1835 года.

Подписали: Ректоръ Болдыревъ. Непремѣнный Засѣдатель Иванъ Давыдовъ. Деканъ Христофоръ Бунге. Секретарь Роговъ.

№ 3844.

III.

ХОДАТАЙСТВО КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА О НАГРАЖДЕНІИ И. П. САХАРОВА.

10 Августа 1841 года князь Александръ Николаевичъ представилъ Госу-

дарю Императору, въ Петергофѣ, слѣдующую всеподданнѣйшую записку о Сахаровѣ.

„Отличные, полезные труды и замѣчательное соединеніе дарованій и разнородныхъ свѣдѣній одного изъ извѣстныхъ мнѣ лично, по правиламъ и чувствамъ, подчиненныхъ моихъ, врача почтоваго департамента, титулярнаго совѣтника *Сахарова*, побуждаетъ меня преклонить Всемилостивѣйшее воззрѣніе вашего Императорскаго Величества на занятія его, выходящія изъ круга обыкновенной служебной дѣятельности и достойныя, — смѣю, думать, — Августѣйшаго покровительства Вашего.

Онъ посвящаетъ свободное отъ службы время на историческія изысканія Русской народности. Его занятія важнымъ предметомъ симъ начались еще до вступленія его въ Университетъ Московскій. Тогда, въ продолженіи шести лѣтъ, обходилъ онъ губерніи Тульскую, Орловскую, Рязанскую, Калужскую, Московскую. Въ хижинахъ поселянъ собиралъ онъ народныя преданія, въ городахъ и селахъ обозрѣвалъ сохранившіеся народные памятники, въ архивахъ пересмотрѣлъ нужные историческіе акты. По преданіямъ, памятникамъ и актамъ возстановлялъ онъ въ описаніяхъ своихъ старую Русскую жизнь, изображалъ Русскую народность по живымъ источникамъ. Въ полномъ собраніи его представлена Русская жизнь во всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Чего отшельники не вносили въ лѣтописи, чего нѣтъ въ актахъ, что̀ сокрыто было отъ Русскихъ историковъ,—то помѣщено имъ въ Сказаніяхъ Русскаго народа. Его полное собраніе будетъ издано въ XXX книгахъ. Русскій человѣкъ, Русская земля, Русскіе памятники, три основныя идеи, взятыя имъ за основаніе, составляютъ предметъ всѣхъ его изысканій. Языкъ, литература, семейныя повѣрья, записки современниковъ, одежды, народные обычаи— служили для изображенія всѣхъ дѣйствій Русскаго человѣка; а храмы, кремли, гробницы, дворцы, терема, оружія, гравированіе, иконописаніе, народное пѣніе, монетное дѣло (нумизматика)—приняты были для описанія Русской земли, гдѣ въ искусствахъ и художествахъ Русскій умъ составлялъ памятники для нашей родины.

Съ рѣдкимъ отверженіемъ удобствъ и довольства въ жизни, тяжкими работами и пожертвованіями, достигнулъ онъ нѣкоторымъ образомъ совокупленія способовъ къ начатію и постепенному (какъ впрочемъ обстоятельства дозволятъ) продолженію огромнаго изданія по программѣ, у сего включаемой. И все сіе производитъ при одобрительномъ отправленіи (неуклонно въ теченіи шести лѣтъ) прямой своей обязанности въ моемъ вѣдомствѣ, готовясь при томъ въ установленный срокъ держать экзаменъ на званіе доктора медицины.

Жалованья производится ему всего тысяча рублей ассигнаціями, съ дополненіемъ онаго временными пособіями; особыхъ же наградъ въ общемъ порядкѣ доселѣ не могъ я ему испрашивать.

Повергая нынѣ къ Монаршему благостному взору Вашего Величества начатки изданія его Сказаній, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность испрашивать ознаменованія на немъ животворнаго, видимаго царственнаго вниманія и ободренія, и— если благоугодно вящше осчастливить,—то и подкрѣпленія щедротою Вашею скудныхъ средствъ на безостановочное продолженіе изданія, достойнаго царствованія Вашего Величества.

Главноначальствующій надъ почтовымъ Департаментомъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса. Князь Александръ Голицынъ".

Въ слѣдствіе этого доклада, Государь повелѣть соизволилъ препроводить къ министру просвѣщенія книги и программу на разсмотрѣніе и для представленія Его Величеству мнѣнія. Получивъ Высочайшее повелѣніе, кн. Голицынъ отнесся къ С. С. Уварову съ слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь Сергій Семеновичъ.

Врачь Почтоваго Департамента, титулярный совѣтникъ Иванъ Сахаровъ, при одобрительномъ и неуклонномъ отправленіи прямой своей обязанности, въ теченіи шести уже лѣтъ, все свободное отъ службы время всегда посвящалъ на историческія изысканія Русской народности.

Его занятія важнымъ предметомъ симъ начались (и т. д., какъ въ докладной запискѣ, до: продолженіе огромнаго изданія).

Толь замѣчательное соединеніе дарованій и разнородныхъ свѣдѣній сего достойнаго моего подчиненнаго, готовящагося, при усиленныхъ трудахъ, держать въ установленный срокъ экзаменъ на званіе доктора медицины, побудило меня обратить Монаршее вниманіе на занятія его, выходящія изъ круга обыкновенной служебной дѣятельности.

Государь Императоръ Высочайше указать мнѣ соизволилъ препроводить къ вашему высокопревосходительству программу предположеннаго имъ изданія и начатки онаго въ двухъ книгахъ, у сего прилагаемыхъ, на разсмотрѣніе и для представленія Его Величеству мнѣнія вашего.

Предметъ, который избранъ г. Сахаровымъ, составляя одну изъ частей, особенно въ настоящую эпоху царствованія Его Императорскаго Величества, при вашемъ, милостивый государь, управленіи, обращающую вашу заботливость въ просвѣщенномъ развитіи и совершенствованіи, расположитъ васъ,—я увѣренъ,—къ оказанію ему вашего покровительства. Съ моей стороны, принимая въ немъ участіе, независимо образованности его, по его правиламъ и чувствамъ, я имѣлъ бы въ виду желать для него ознаменованія животворнаго, видимаго царственнаго вниманія и ободренія въ пожалованіи ему одного изъ орденскихъ знаковъ младшихъ степеней, а если, при вашемъ благосклонномъ и правосудномъ засвидѣтельствованіи и предстательствѣ, окажется возможнымъ вящше осчастливить, то и нѣкотораго подкрѣпленія къ безостановочному продолженію изданія, въ назначеніи ему хотя прибавочнаго жалованья рублей до тысячи ассигнаціонныхъ, такъ какъ онъ теперь получаетъ жалованья только тысячу рублей ассигнаціями, и слѣдовательно стѣсняется въ безбѣдномъ существованіи, тѣмъ болѣе, что изданіе можетъ только въ послѣдствіи, при распродажѣ, вознаградить издержки, которыя онъ нынѣ употребляетъ.

Такія соображенія къ пользамъ г. Сахарова я отношу на ваше собственно усмотрѣніе, на случай, если вы, милостивый государь, изволите найти труды его заслуживающими Августѣйшаго воздаянія и награды.

На сей конецъ, сверхъ книгъ, передаваемыхъ мною вамъ по Высочайшей волѣ, прилагаю здѣсь другой экземпляръ отъ издателя вашему высокопревосходительству. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.
Князь Александръ Голицынъ".

№ 265. С. Петербургъ. 14 Августа 1841 г. Его высокопревосх-ву С. С. Уварову.

На это письмо С. С. Уваровъ отвѣчалъ князю А. Н. Голицыну:

„Милостивый Государь князь Александръ Николаевичъ.

Имѣвъ честь получить, при отношеніи вашего сіятельства отъ 14 Августа, сочиненіе титулярнаго совѣтника Сахарова, имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что предпріятіе его издать Сказанія Русскаго народа въ столь обширной рамѣ дѣйствительно очень любопытно и заслуживаетъ поощренія со стороны правительства. Полагая, согласно желанію вашего сіятельства, повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе ходатайство ваше о награжденіи Сахарова орденомъ младшей степени, я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою доставить формулярный о службѣ его списокъ. Что̀ касается до назначенія ему прибавочнаго жалованья, то, какъ министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ на то въ виду никакого источника, не изволите ли найти возможность отнести эту прибавку на счетъ суммъ почтоваго вѣдомства, въ которомъ г. Сахаровъ состоитъ на службѣ, о чемъ я буду ожидать увѣдомленія. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

Сергій Уваровъ“.

№ 803.
16 Августа 1841 г.

Черезъ мѣсяцъ С. С. Уваровъ писалъ князю А. Н. Голицыну:

„Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ.

Поднося Государю Императору изданныя врачемъ Почтоваго Департамента титулярнымъ совѣтвикомъ Сахаровымъ сочиненія: Записки Русскихъ людей и 1-й томъ Сказаній Русскаго народа, я имѣлъ счастіе представить на уваженіе Его Величества ходатайство вашего сіятельства о пожалованіи Сахарова орденомъ св. Станислава 3-й степени и о назначеніи ему прибавочнаго жалованья до тысячи рублей ассигнаціями, доколѣ въ службѣ пребываетъ, изъ почтовыхъ доходовъ, обращаемыхъ въ Государственное Казначейство.

На всеподданнѣйшей докладной запискѣ моей о семъ послѣдовала въ 18 день сего Сентября собственноручная Его Величества резолюція: „подарокъ, на прочее согласенъ“. *)

О сей Высочайшей волѣ сообщая вамъ, милостивый государь, для дальнѣйшаго распоряженія, имѣю честь быть и пр.

Сергій Уваровъ“.

№ 947.
20 Сентября 1841 г.

Князь А. Н. Голицынъ препроводилъ Всемилостивѣйше пожалованный И. П. Сахарову бриллiантовый перстень при слѣдующемъ отношеніи:

„Врачу Почтоваго Департамента, господину титулярному совѣтнику Ивану Сахарову.

Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію господина министра народнаго просвѣщенія о достоинствѣ и полезности ученыхъ историческихъ трудовъ вашихъ, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 18-й день Сентября сего года, во изъявленіе Высокомоварша̀го Своего благоволенія, при поднесеніи Его Величеству изданныхъ вами начатковъ трудовъ вашихъ, пожаловать вамъ бриллiантовый перстень.

Препровождая къ вамъ сей перстень, увѣренъ я, что Монаршій живительный взоръ благоволенія къ историческимъ трудамъ вашимъ обо-

*) Такъ. *П. Б.*

дритъ васъ къ вящшему продолженію оныхъ. Главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса, князь Александръ Голицынъ".

№ 299.
1 Октября 1841.

IV.

ЗАПИСКА

О сочиненіяхъ и изданіяхъ И. П. Сахарова, напечатанныхъ съ 1830 года.

Сочиненія И. И. Сахаровъ началъ печатать съ 1830 года, находясь въ Тулѣ, въ годъ переселенія своего въ Москву; онъ печаталъ ихъ въ журналахъ и отдѣльными книгами, въ Москвѣ и С.-Петербургѣ (съ 1836 года).

I. Статьи, напечатанныя въ журналахъ.

1. *Въ Галатеѣ:* № 1. *)
2. „ *М. Телеграфѣ*: №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 11.
3. „ ж. *Мануфактуръ и Торговли:* № 21.
4. „ ж. *Современникѣ:* № 22.
5. „ г. *Сѣверной Пчелѣ*: №№ 23, 28, 29, 43, 47, 50, 61, 62, 63, 76.
6. „ г. *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*: №№ 24, 34, 35; потомъ *Литературной Газетѣ*: №№ 49, 56, 57.
7. „ж. *Отечественныхъ Запискахъ:* №№ 36, 51 52, 53, 60.
8. „ ж. *Маякѣ*: №№ 48, 64, 65, 66, 67, 74.
9. „ ж. *Русскомъ Вѣстникѣ*: №№ 58, 59, 68, 69, 70.
10. „ ж. *Москвитянинѣ*: №№ 71, 72,75.
11. „ ж. *Сынъ Отечества*: № 73.
12. „ журналѣ *Министерства народнаго просвѣщенія*: № 77.

II. Статьи, помѣщенныя въ книгахъ.

1. Въ *Виліоѳикѣ*, изд. *Н. А. Полевымъ*: № 10.
2. *Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, изд. *Плюшаромъ*: №№ 14, 25, 30.
3. *Въ Утренней Зарѣ*, *Владиславлева*: № 37.
4. „ *Новогодникѣ*, изд. *Кукольникомъ*: № 38.
5. „ *Сборникѣ*, изд. *Воейковымъ*: № 26.
6. При книгѣ: *Басни Хемницера*: № 27.
7. Въ *Археологическихъ Запискахъ*: №№ 81, 88, 89, 90, 91.

III. Книгъ, отдѣльно изданныхъ, было 37: [1]) №№ 8, 9, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 31, 32, 33, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 54, 55, 78, 79, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 91, 92, 93, 94, 95.

1830 годъ.

1. *Отрывокъ изъ исторіи Тульской губерніи.*

Напечатанъ въ журналѣ, издаваемомъ Раичемъ: *Галатея*, 1835 г. № 11.

2. *Письмо къ издателю Моск. Телеграфа*, съ приложеніемъ граматы царя Михаила Ѳеодоровича.

Напечатано въ журн. *Моск. Телеграфѣ* 1830 г. № 5 (ч. 32. стр. 119—122).

3. *Извѣстія о древнихъ граматахъ.*

Напечатаны въ журн. *Моск. Телеграфѣ* 1830 г. *Статья первая*, № 8 (ч. 32. стр. 420 — 438). *Статья вторая*, №№ 16 и 17 (ч. 34. стр. 421—438; ч. 35. стр. 1—27).

4. *Двѣ граматы Московскаго патріарха Іоакима къ Іосифу, архіепископу Коломенскому и Каширскому, о дополненіи къ соборному дѣянію 1667 г. духовныхъ постановленій 1675 г. Мая 27.*

Напеч. въ *Моск. Телеграфѣ* 1830 г. ч. 36 (стр. 284—292).

1831 годъ.

5. *Извѣстія о древнихъ граматахъ.*

Напечатаны въ *Моск. Телеграфѣ* 1831 г. №№ 19 и 20 (ч. 41. стр. 246—261, 416—438). Эта статья служила продолженіемъ первыхъ двухъ, напечатанныхъ въ Моск. Телеграфѣ 1830 года.

*) Эти нумера относятся къ послѣдующему перечню трудовъ Сахарова. *П. Б.*

[1]) Въ этомъ числѣ разумѣются и отдѣльные, впрочемъ не всѣ, оттиски нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ. *П. С-въ.*

6. *Грамата царя Алексѣя Михаиловича.* Напечатана въ журн. *Моск. Телеграфъ* 1831 г. № 23 (ч. 41. стр. 341—342).

7. *Писцовая книга Тульскаго посада.* Напечатана въ журн. *Моск. Телеграфъ* 1831 г. № 12 (ч. 39. стр. 499—522).

8. *Достопамятности Венева монастыря.* М. 1831 г. въ типогр. Селиван. стр. 26, въ-8. Изданіе было напечатано въ числѣ 600 экземпляровъ; изъ нихъ болѣе 200 сгорѣло въ первомъ Тульскомъ пожарѣ.

1832 годъ.

9. *Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи.* ч. 1. М. 1832 г. въ т. Селиван. 8 и 238 стр., въ 8. Съ двумя планами города Тулы и картою Тульской губерніи.

Изданіе было напечатано въ числѣ 600 экземпляровъ; изъ нихъ 350 сгорѣло въ Тульскомъ пожарѣ. Напечатана была только половина перваго тома[2]).

1833 годъ.

10. Въ *Русской Виваліотикѣ*, изданной *И. А. Полевымъ* 1833 г. были напечатаны доставленныя отъ меня:

а) *Граматы*, числомъ 13 (стр. 189—264).

б) *Наказы*, числомъ 7 (стр. 265—318).

в) *Статейная опись Мценска* (стр. 365).

г) *Плачь и скорбь при послѣднихъ часахъ царя Алексѣя Михаиловича* (стр. 375—381).

д) *Память Тульскимъ бургомистрамъ, о бритіи бородъ* (стр. 381—383).

е) *Поступная запись на имѣніе* (стр. 384—388).

ж) *Легенда о крещеніи Мещянъ* (стр. 361).

з) *Купчая на имѣніе князя Друцкаго* (стр. 362).

11. *Письмо къ издателю Моск. Телеграфа о писателяхъ, жившихъ въ Тульской губерніи.*

Напечатано въ *Моск. Телеграфѣ* 1833 г. ч. 50 (стр. 447—453).

1834 годъ.

12. *Медицинское Италіянское ученіе о противовозбуждаемости.* М. 1834 г. въ т. Унив. 63 стр., въ-16.

Изданіе было напечатано въ числѣ 200 экземпляровъ.

1836 годъ.

13. *Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ.* Ч. I. Спб. 1836 г. въ т. Гуттенберга. стр. IX и 201, въ-8.

Изданіе напечатано въ числѣ 600 экземпляровъ. Рукопись приготовлена была въ Москвѣ еще въ 1835 году и тамъ процензирована г. Болдыревымъ [3]).

14. *Бывалые люди.*

Статья, напечатанная съ большими пропусками [4]) въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (т. VII, стр. 481).

1837 годъ.

15. *Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ.* Ч. II. Спб. 1837 г. въ т. Гуттенберга. стр. IV, 74 и 274, въ-8.

Изданіе было напечатано въ числѣ 600 экземпляровъ.

---

[2]) Далѣе было написано и потомъ зачеркнуто: «Но, увы! и эта выпущена безъ начала, по обстоятельствамъ, совершенно отъ меня не зависящимъ. Несчастная книга! Сколько было надъ ней опекуновъ! Кто только за меня не сбиралъ подписокъ! И гдѣ дѣвались собранныя ими деньги, доселѣ не знаю».

П. С-въ.

[3]) Дальше было приписано и потомъ зачеркнуто: «Бѣдная книга! Сколько она прошла мытарствъ, судовъ, пересудовъ, толковъ!....» Дѣйствительно, дѣло доходило до того, что Сахарову угрожали уже Соловками, и бѣда уже висѣла надъ его головою; но участіе, принятое въ немъ кн. А. Н. Голицынымъ, избавило нашего археолога отъ душеспасительнаго пребыванія въ отдаленной обители: по ходатайству князя, Сахаровъ удостоился получить Высочайшую награду, и дѣло кончилось благополучно.

П. С-въ.

[4]) Далѣе было написано и потомъ зачеркнуто: «и уродствомъ».

16. *Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ.* Изданіе второе. ч. I. Спб. 1837 г. въ т. Гуттенберга. стр. 210, въ-8.

Изданіе было напечатано въ числѣ 1200 экземпляровъ.

17. *Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли.* Изданіе первое. Ч. I. Спб. 1837 г. въ т. Гуттенберга, стр. 110, въ-8. Съ приложеніемъ снимка съ рукописи.

Изданіе напечатано было въ числѣ 600 экземпляровъ.

18. *Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли.* Ч. II. Спб. 1837 г. въ т. Гуттенберга. стр. 123, въ-8. Съ приложеніемъ снимка съ рукописи.

Изданіе напечатано было въ числѣ 1200 экземпляровъ.

19. *Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли.* Изданіе второе. Ч. I. Спб. 1837 г. въ т. Гуттенберга. стр. 126, въ-8.

Изданіе было напечатано въ числѣ 1200 экземпляровъ.

20. *Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ.* ч. III. кн. 2. Спб. 1837 г. Изданіе напечатано было въ числѣ 1200 экземпляровъ.

21. *О Китайской торговлѣ.*

Напечатано было въ *Журн. Мануфактуръ и торговли*, издававшемся тогда *А. П. Башуцкимъ*. 1837 года. Изъ этой статьи П. П. Каменскій сдѣлалъ свою и на свой ладъ и напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

22. *Общественное образованіе Тульской губерніи.* Эта статья напечатана была въ журн. *Современникъ*, 1837 г. ч. VII (стр. 295—325).

23. *Русалки.*

Напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ* 1837 г.

24. *Рецензія* на книгу: *О заблужденіяхъ и предразсудкахъ. Соч. Сальви, пер. С. Строева.* Напечатана въ *Литературн. Прибавл. къ Русскому Инвалиду* 1837 г.

25. Въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* были помѣщены статьи:

а) *Бѣлевская Жабынская пустынь.* Томъ VIII, стр. 520. б) *Бѣлевская глина.* Томъ VIII, стр. 520. в) *Бѣлевскіе князья.* Томъ VIII, стр. 521. г) *О книгопечатаніи въ Вильнѣ.* Томъ VIII, стр. 238. Напечатано съ ошибками въ годахъ и съ пропусками. д) *Вишневыя деревья.* Томъ X, стр. 574. Напечатана не вся статья и съ пропусками. е) *Вихри.* Томъ X, стр. 489. Статья эта напечатана была съ страшными изуродованіями.

1838 годъ.

26. *Первые Русскіе типографщики.*

Напечатано въ книгѣ: *Сборникъ*, изданной *А. Ѳ. Воейковымъ*, въ память открытія типографіи.

27. *Жизнеописаніе И. И. Хемницера.*

Напечатано при его *Баснях*ъ, изданныхъ тогда мною въ числѣ 2400 экземпляровъ.

28. *Жизнеописаніе Семена Ивановича Гамалеи.* Напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ* 1838 г. № 118.

29. *Оборотни.*

Напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ* 1838 г. № 236.

30. *Гаданія Русскія.*

Напечатано было въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, томъ XII, стр. 55.

31. *Писатели Тульской губерніи.* Спб. 1838 г. въ т. Сахарова. стр. 8, въ-8.

Напечатано было въ числѣ 100 экземпляровъ и въ продажу не было пущено.

32. *Пѣсни Русскаго народа.* ч. I. Спб. 1838 г. въ т. Сахарова. стр. CI.VIII и 168, въ 36 д.

Напечатаны были въ числѣ 2400 экземпляровъ. Все изданіе пѣсенъ печатано на счетъ А. И. Кастерина [5]).

33. *Пѣсни Русскаго народа.* ч. II. Спб. 1838 г. въ т. Сахарова. стр. 528. въ 36 д.

34. *Русскіе святки.*

---

[5]) Далѣе было написано и потомъ зачеркнуто: «и перешло въ его объятія».

П. С-въ.

Напечатано было въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* 1838 г. № 4.

35. *Реценэіи* на книги, напечатанныя въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*:

а) Рец. на книгу: *Анатомія*, соч. *Гемпеля*. № 5. б) *Монографія радикальнаго леченія паховошоночныхъ грыжъ*. № 6. в) *О болѣзняхъ матки*, соч. *Грубера*. № 50. г) *О главныхъ причинахъ нервныхъ болѣзней*. № 50. д) *Начальныя основанія патологической анатоміи*, соч. *Д. Гопа*. № 20.

1839 годъ.

36. *Сношенія Русскаго Двора съ Европою и Азіею въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича.*

Напечатано было въ журналѣ: *Отечественныя Записки* 1839 г. т. I. отд. II. стр. 47—92. Напечатана была только одна первая половина; другая же не была отдана въ редакцію [6]).

37. *Русское ученое общество въ XVII столѣтіи.*

Напечатано въ альманахѣ: *Утренняя Заря* на 1839 г.

38. *Василій Буслаевичъ. Русская народная сказка.*

Напечатана въ книгѣ: *Новогодникъ*, изданной *Н. В. Кукольникомъ*.

39. *Пѣсни Русскаго народа.* Ч. III. Спб. 1839 г. въ т. Сахарова. стр. 598, въ-36.

40. *Пѣсни Русскаго народа.* Ч. IV. Спб. 1839 г. въ т. Сахарова. стр. 497, въ-36.

41. *Пѣсни Русскаго народа.* Ч. V. Спб. 1839 г. въ т. Сахарова. стр. 484, въ-36.

42. *Славяно-Русскія рукописи.* Спб. 1839 г. въ т. Сахарова. стр. 32, въ-8.

Изданіе было напечатано въ числѣ 50 экземпляровъ и въ продажу не было выпущено.

43. *Современная хроника Русской нумизматики.*

Напечатана въ *Сѣверной Пчелѣ* 1839 г. №№ 69. 70. Продолженіе было подъ заглавіемъ: *Нумизматическія собранія въ Россіи.* № 125.

1841 годъ.

44. *Сказанія Русскаго народа.* Изданіе третье. Томъ первый. Книги 1, 2, 3 и 4. Спб. 1841 г. въ т. Сахарова. въ-8.

Изданіе было напечатано въ числѣ 1200 экземпляровъ.

45. *Записки Русскихъ людей.* Событія временъ *Петра Великаго. Записки Матвѣева, Крекшина, Желябужскаго и Медвѣдева.* Спб. 1841 г. въ т. Сахарова. стр. 8. VIII, 94. X, 128. VI, 116. VIII, 126. въ-8.

Изданіе было напечатано въ числѣ 1200 экземпляровъ[7]).

46. *Русскія народныя сказки.* Ч. I. Спб. 1841 г. въ т. Сахарова, стр. 119 и 274, въ-12. Изданіе было напечатано въ числѣ 1200 экземпляровъ.

47. *Лѣтопись Русскаго гравированія.*

Напечатана въ *Сѣверной Пчелѣ* 1841 г. № 104.

48. *Илья Муромецъ. Русская народная сказка.* Напечатана въ ж. *Маякъ* 1841 г.

49. *О Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ. Русская народная сказка.* Напечатана въ *Литературной Газетѣ.* 1841 г.

50. *Анкудинъ. Русская народная сказка.*

Напечатана въ *Сѣверной Пчелѣ* 1841 г.

51. *О семи Семіонахъ, родныхъ братьяхъ. Русская народная сказка.* Напечатана въ ж. *Отечественныя Записки*, 1841 г. № 1 (т. XIV. отд. VII. стр. 43—54).

52. *Описаніе изображеній въ Царской Большой Палатѣ, сдѣланное 1554 года.*

Напечатано въ журн. *Отечественныя Записки*, 1841 г. № 2 (т. XIV. отд. VII. стр. 89—90).

53. *О библіотекахъ въ С. Петербургѣ.*

---

[6]) Далѣе было написано и потомъ зачеркнуто: «По разнымъ приключеніямъ. Въ это время вышли въ редакціи раздоры» *И. С-въ.*

[7]) Далѣе было написано и потомъ зачеркнуто: «Вѣдная книга! Чего съ ней не дѣлали? Кто только не интриговалъ?» *И. С-въ.*

Напечатана въ журн. *Отечественныя Записки*, 1841 г. № 2 (т. XIV. отд. VII. стр. 95–96).

1842 годъ.

54. *Лѣтопись Русской нумизматики.* Изданіе 1-ое. Спб. 1842 г. въ т. Сахарова. стр. 70, въ-4. Съ приложеніемъ 12 снимковъ съ монетъ.

Изданіе было напечатано въ числѣ 250 экземпляровъ. Второе изданіе этой книги было напечатано въ 1851 г., въ числѣ 600 экземпл.

55. *Русскіе древніе памятники.* Спб. 1842 г. въ т. Сахарова стр. 62, въ 4. Съ 9 снимками съ старопечатныхъ книгъ.

Изданіе было напечатано въ числѣ 50 экземпляровъ и въ продажу не поступало.

56. *Рецензія* на книгу: *Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описанію библіотекъ гр. Ѳ. А. Толстова и купца П. Н. Царскаго. Издалъ П. Строевъ.*

Напечатано въ *Литературной Газетѣ* 1842 г. №№ 22 и 23.

57. *Литературныя преданія изъ записокъ старожила.*

Напечатаны въ *Литературной Газетѣ*, 1842 г. № 30. Издатель Ѳ. А. Кони *придумалъ отъ себя* подпись: *старожилъ Еремей, кнутикъ-постегайко.*

58. *Секретная информація о силѣ и состояніи Китайскаго государства, поднесенная императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ графомъ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ, въ 1731 году.*

Напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* на 1842 г. № 2 (стр. 180—243), № 3 (стр. 281—337). Издателемъ первыхъ 6 №№ былъ тогда *Н. А. Полевой.*

59. *Русскіе переводы Эзоповыхъ басенъ въ началѣ и въ концѣ XVII вѣка.*

Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* на 1842 г. № 2 (стр. 174—179).

60. *Русскіе древніе словари.* Напечатана въ ж. *Отечественныя Записки*, 1842 г. т. XXV. отд. II. стр. 1—24.

61. *Марко богатый. Русская народная сказка.* Напечатана въ *Сѣверной Пчелѣ* 1842 г. №№ 3,4 и 5.

62. *Историческія замѣтки.* Напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ* 1842 г. № 198.

63. *Иверская типографія.* Напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ* 1842 г. № 157.

1843 годъ.

64. *Лечебникъ Блюментроста.*

Напечатано въ журн. *Маякъ*, 1843 г. № 1 (т. VII. гл. 3. стр. 67—74).

65. *Нѣсколько указаній для Славяно-Русскихъ старинарей.*

Напечатано въ журн. *Маякъ*, 1843. г. № 1 (т. VII. стр. 21—74. гл. 5). Здѣсь помѣщены выписки изъ *Георгія Амартолы.*

66. *Бѣлевъ.*

Напечатано въ журн. *Маякъ*, 1843 г. № 4 (т. VIII. гл. 3, стр. 50—57. [8]).

67. *Замѣтки* на книгу: *Кіевлянинъ*, ч. 2. изд. *М. Максимовичемъ.*

Напечатано въ журн. *Маякъ*, 1843 г. № 2 (т. VII. гл. IV. стр. 155).

68. *Указная книга царя Михаила Ѳеодоровича и боярскіе приговоры о вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ.*

Напечатано въ ж. *Русскій Вѣстникъ* на 1842 г. №№ 11 и 12 (стр. 1—149) [9]).

69. *Каталогъ библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.*

Напечатано въ журн. *Русскій Вѣстникъ* на 1842 г. №№ 11 и 12. Издатель Каменскій напечаталъ мою статью съ ужасными ошибками.

70. *Царь Іоаннъ Васильевичъ литераторъ.* Напечатано въ ж. *Русскій Вѣст-*

---

[8]) Далѣе было написано и потомъ зачеркнуто: «Послѣдній издатель Энциклопедическаго Лексикона г. Савельевъ, получивши бумаги изъ редакціи Лексикона, вздумалъ перепечатать всѣ остатки статей. Въ томъ числѣ попалась и моя статья: Бѣлевъ. Напечатана съ ошибками и безъ моего согласія». *П. С-въ*,

[9]). Далѣе было написано и потомъ зачеркнуто: «Эта книга вышла подъ редакціею П. П. Каменскаго въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1843 г., съ ошибками, умышленными и неумышленными». *П. С-въ.*

ника на 1842 г. №№ 7 и 8 (стр. 30-35). Эта книга вышла подъ редакціею П. П. Каменскаго въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1843 г.

71. *Историческія замѣтки.*

Напечатано въ журн. *Москвитянинъ*, 1843 г. № 9 (стр. 135-155). Здѣсь были помѣщены статьи: а) *Для Русскихъ нумизматовъ.* б) *Объ источникахъ Русскихъ лѣтописей.* в) *О дѣтяхъ Старицкаго князя Владиміра Андреевича.* г) *О Сильвестрѣ Медвѣдевѣ.* д) *О Курбскомъ.* е) *О Словѣ Даніила Заточника.* ж) *О Стефанѣ Яворскомъ.*

72. *Письмо къ М. П. Погодину.*

Напечатано въ журн. *Москвитянинъ*, 1843 г. № 10 (стр. 433).

73. *Московскіе удѣльные князья.*

Напечатано въ журн. *Сынъ Отечества*, подъ редекціею Масальскаго. Здѣсь напечатанъ *сводный текстъ* о снхъ князьяхъ изъ *родословныхъ книгъ.*

1844 годъ.

74. *Письмо къ издателю Маяка.*

Напечатано въ журн. *Маякъ*, 1844 г. № 3 (т. XIV. гл. 5. стр. 32).

1845 годъ.

75. *Письмо къ издателю Москвитянина.*

Напечатано въ журн. *Москвитянинъ.* 1845 г. № 12 (отд. I. 154—158).

1846 годъ.

76. *Историческія замѣтки.*

Напечатано въ *Сѣверной Пчелѣ* 1846. г. №№ 11, 12 и 13. Здѣсь помѣщены статьи, подъ названіемъ: а) *Антоній, архіепископъ Новгородскій.* б) *А. Х. Востоковъ* и *Н. Г. Устряловъ. Савваитовъ.*

1848 годъ.

77. *Русское церковное пѣснопѣніе.*

Напечатано въ *Журн. мин. народ. просв.* 1849 г. №№ II, III, (отд. II. стр. 147—196. 263—284), № VII (отд. II. стр. 1—41). прим. Напечатаны только два отдѣленія [10]).

1849 годъ.

78. *Сказанія Русскаго народа.* Томъ второй. Книги V, VI, VII и VIII. въ т. Сахарова.

Напечатано 1200 экземпляровъ. [11]).

79. *Обозрѣніе Славяно-Русской библіографіи.* Томъ I. кн. 2. выпускъ IV. въ т. Акад. Наукъ.

Печатано 1200 экземпляровъ [12]).

Прим. Къ этому изданію было напечатано, in 4°, 104 снимка съ печатныхъ книгъ и рукописей. Снимки не были выпущены и хранятся въ запечатанныхъ кладовыхъ наслѣдниковъ Яковлева. Выпуски 1, 2, 3 остановлены печатаніемъ по случаю смерти Яковлева.

80. *Изслѣдованіе о Русскомъ иконописаніи.* Изданіе 1-ое. Часть I-ая. въ т. Трея. Первое изданіе было выпущено въ числѣ 600 экземпляровъ [13])

81. Для Археологическаго Общества были написаны *программы* о преніяхъ, предложенныхъ членами: гр. А. С. Уваровымъ. Яковлевымъ, Кузьминымъ, Шишковымъ, Лобковымъ, Кудряшевымъ. Всѣ онѣ были напечатаны въ Запискахъ Археологическаго Общества и газетахъ.

82. *Изслѣдованіе о Русскомъ иконописаніи.* Часть II-я. Спб. 1849. въ т. Трея.

[10]) Въ другой запискѣ объ этомъ сказано: «Написалъ для *Журнала министр. нар. просв. Русское церковное пѣніе*, три отдѣла, а четвертаго не писалъ еще. Первыя два отдѣленія напечатаны были въ этомъ журналѣ 1849 г. въ №№ II. III. отд. II. стр. 147—196. 263—284 № VII. отд. II стр. 1—41, подъ названіемъ: *Изслѣдованія о Русскомъ церковномъ пѣснопѣніи*». *П. С-въ.*

[11]) Въ другой запискѣ сказано подъ 1848 годомъ: «Началъ въ концѣ Октября печатать *Изслѣдованіе о Русскомъ иконописаніи.* Изд. 1-ое; печ. въ т. Трея, въ числѣ 400 экземпл.— одну первую книжку, съ годомъ 1849. Кончилъ все печатаніе въ Декабрѣ. Въ продажу пущена 23 Декабря». Разность той и другой записки въ показаніи числа экземпляровъ произошла, вѣроятно, отъ того, что не взяты во вниманіе экземпляры дополнительные, печатанные тѣмъ же наборомъ. *П. С-въ.*

[12]) Въ другой запискѣ прибавлено: «Въ продажу пущена въ Январѣ». *П. С-въ.*

[13]) Въ другой запискѣ прибавлено также: «Въ продажу пущена въ Январѣ». *П. С-въ,*

Изданіе было напечатано въ 2000 экземпляровъ [14]).

1850 годъ.

83. *Изслѣдованіе о Русскомъ иконописаніи.* Часть I. Изданіе 2-е. Въ т. Трея. Второе изданіе было напечатано въ числѣ 1400 экземпляровъ [15]).

1851 годъ.

84. *Деньги Московскихъ удѣльныхъ княженій.* Спб. 1851 г. въ т. Трея, стр. 88. Напечатано было 50 экземпляровъ [16]).

85. *Записка для обозрѣнія Русскихъ древностей.* Спб. 1851. г. въ т. Трея. стр. 80 Эта книжка была выпущена въ числѣ 10000 экземпляровъ и написана для Археологическаго Общества, когда составилось Русское Отдѣленіе. Напечатана была на счетъ члена Общества И. Т. Яковлева и прежде повсюду разсылалась безденежно.

86. *Обозрѣніе Русской Археологіи.* Спб. 1851 г. въ т. Трея, стр. 80. Напечатана была въ числѣ 100 экземпляровъ [17]).

87. *Русская торговая книга.* Спб. 1851 г. въ т. Трея. стр. 30 [18]).

88. *Записка о критическомъ обозрѣніи Русской нумизматики.*

Эта статья была напечатана въ *Запискахъ Археологическаго Общества* т. III (стр. 104—106).

89. *О собраніи Русскихъ надписей.*

Эта статья была напечатана въ *Запискахъ Археологическаго Общества* т. III, въ перечнѣ засѣданій.

90. *Русскія древности: братины, кольца, перстни, блюда, пуговицы.*

Эта статья была напечатана въ *Запискахъ Археологическаго Общества* т. III (стр. 51—89).

91. *Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ первый. Спб. 1851 г. въ тип. Трея.*

Эти записки были составлены изъ трудовъ членовъ Отдѣленія и напечатаны на счетъ члена И. Т. Яковлева, въ числѣ 306 экземпляровъ [19]).

1852 годъ.

92. *Программа Русской юридической палеографіи.*

Этой программы было напечатано три изданія: одно для Училища Правовѣденія и два для Лицея. Всѣ они отличны по своему содержанію.

93. *Лекціи Русской юридической палеографіи.*

Для Лицея эти лекціи были литографированы, подъ названіемъ: *Чтенія ихъ Русской палеографіи.* Напечатана была одна только первая часть. Въ газетѣ

---

[14]) Въ другой запискѣ подъ 1849 годомъ написано: «Напечаталъ въ Августѣ *Изслѣдованіе о Русскомъ иконописаніи.* кн. 2. изд. 1-ое въ т. Трея стр. 59 и 47, въ числѣ 400 экземпляровъ. Въ продажу пущена въ Сентябрѣ. Вторымъ изданіемъ началъ печатаніе о иконописаніи кн. 1. 10 Ноября 1849, и въ томъ же году кончилъ Декабря 30. Изданіе выпущено съ годомъ 1850, въ числѣ 1600 экземпл». *П. С-въ.*

[15]) См. предыд. примѣч.

[16]) Въ другой запискѣ прибавлено: «Статья эта была прежде напечатана въ книгѣ: *Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества*». *П. С-въ.*

[17]) Въ другой запискѣ прибавлено: «Статья эта въ томъ же году была напечатана въ книгѣ: *Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества*». *П. С-въ.*

[18]) Объ этой книгѣ въ другой запискѣ замѣчено: «Печатано отдѣльно 50 экземпляровъ; статья эта въ томъ же году была напечатана вънкнигѣ: *Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго общества*». *П. С-въ.*

[19]) Въ другой запискѣ сказано: «Эти записки вышли подъ моею редакціею. Начаты были печатаніемъ въ Маѣ мѣсяцѣ, а кончены въ Октябрѣ того же года, въ числѣ 350 экземпляровъ, на счетъ Ив. Тар. Яковлева. Изъ моихъ статей здѣсь помѣщены: 1) *Обозрѣніе Русской Археологіи.* 2) *Деньги Московскихъ удѣльныхъ княженій.* 3) *Намѣстники Тульской губерніи.* 4) *Торговая книга.* 5) *Расходная книга Псковской Знаменской церкви.* 6) *Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.* 7) *Древности Московской и Тульской губерній.* 8) *Находки съ Русскими деньгами.* 9) *Записка для обозрѣнія Русскихъ древностей*». *П. С-въ.*

Сѣверная Пчела изъ третьей части была напечатана статья: *Русская монетная система.* Въ Училищѣ Правовѣденія лекціи не были печатаны, и чтеніе было предложено обширнѣе лицейскаго. Для правовѣдовъ было напечатано особою книгою.

94. *Снимки съ судебнаго письма Русскаго, Литовско-Русскаго и Мало-Русскаго.*

Изданіе это было напечатано въ числѣ 40 снимковъ, въ свѣтъ не было выпущено, служило руководствомъ при чтеніи юридическимъ актовъ для воспитанниковъ.

Снимки находятся запечатанныии въ кладовыхъ наслѣдниковъ Яковлевыхъ.

1856 годъ.

95. *Записка о Русскихъ гербахъ. Гербъ Московскій.* Спб. 1856 г. въ т. Вейнара. Съ 3-мя таблицами снимковъ.

Это изданіе было напечатано въ числѣ 265 экземпляровъ.

Прим. Вторая часть: О *гербѣ Всероссійскомъ* передана для печатанія въ Запискахъ Археологическаго Общества.

V.

ЗАПИСКИ И. П. САХАРОВА.

Начало этихъ Записокъ, занимающее $3\frac{1}{8}$ большихъ полулиста, написано неизвѣстною мнѣ рукою, но, какъ видно, подъ диктовку самаго Ивана Петровича; а продолженіе ихъ до самаго конца, на $9\frac{1}{2}$ полулистахъ, написано все рукою Сахарова. *П. С-въ.*

6 Ноября 1837.

Вечеромъ 4 Ноября получилъ я письмо по городской почтѣ: здѣсь было приглашеніе отъ Воейковой к. [1]) на новоселье типографіи. Эта неожиданность меня удивила. Якубовичъ растолковалъ мнѣ всѣ затѣи какъ по писанному. Въ 4 часу дня отправляюсь посмотрѣть новоселье. Вхожу въ домъ Таирова, гдѣ такъ несчастно разъигралась Петербургская холера, гдѣ созидалась друкарня Воейковымъ, Жуковымъ [2]) и Владиславлевымъ. [3]) Въ первой комнатѣ встрѣчали гостей хозяева, а съ ними — неразлучные спутники Краевскій и Панаевъ; въ другой комнатѣ совершалось молебствіе. Гости въ урочный часъ спѣшили одинъ за другимъ и примыкали къ своимъ приходамъ. Только одинъ Крыловъ долго бродилъ и искалъ чего-то: его приходъ собрался въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ литературная аристократія помѣстилась на диванѣ и креслахъ. Веселое и доброе лице Ивана Андреевича, сѣдые и длинные волосы, большая голова съ огромнымъ туловищемъ, отличали баснописца отъ всей пишущей братіи. Гости затолпились, какъ будто приходы шли какими-то цехами, озираясь и дичась на недружелюбныхъ. Первое мѣсто занялъ Крыловъ; справа отъ него сидѣли: Вяземскій, Одоевскій, Плетневъ, Краевскій, Панаевъ, Данилевскій-Михайловскій, Губеръ, Дубельтъ, Каратыгинъ меньшой, Корсаковъ цензоръ, Карлгофъ, Полевой, Розенъ, приходскій священникъ, Штевенъ, Терещенко, я, Никитенко, Бурнашовъ, Соколовъ, Фрейгангъ, Каратыгинъ большой, Яненко, Руссовъ. Съ Крыловымъ по лѣвую сторону сидѣли: Филимоновъ, Якубовичъ, Башуцкій, Диринъ, братья Кукольники и другіе. Въ другой комнатѣ толпились Жуковскіе пѣсельники и музыканты. Съ первымъ блюдомъ запѣли пѣвчіе концерты духовные и—на выдерж-

[1]) Т. е. отъ компаніи Воейкова. *П. Б.*

[2]) Извѣстнымъ богачемъ и табачнымъ фабрикантомъ *П. Б.*

[3]) Издателемъ Утренней Зари, тогда чиновникомъ жандармскаго вѣдомства. *П. Б.*

ку стоялъ впереди несносный крикунъ, запѣвала Шуваловъ. Столъ оканчивался; пѣвчіе запѣли заказные стихи, только-что отпечатанные и разносимые посѣтителямъ Владиславлевымъ. Первый тостъ при пѣніи и громѣ музыки провозглашенъ былъ за Царя: всѣ встали; громкое ура! прогремѣло во всѣхъ комнатахъ многократно и весело. Хозяева предлагали тосты почетныхъ гостей; скромные и тихіе наши гастрономы развеселились, выходили изъ-за стола, толпились и говорили всякой свое. Неожиданно аристократія предложила тостъ въ память Гуттенберга: полурусскіе, полунѣмецкіе наши бояре обрадовались новому тосту и запивали память чужеземца. Въ покалѣ вина я видѣлъ какой-то ядъ и вылилъ вино на тарелку; кричу сосѣдямъ. „И вы, Русскіе, слышите это съ радостью, что Нѣмецъ радуетъ Русскаго? Вамъ тяжело проговорить о своемъ родномъ типографщикѣ? Вамъ стыдно, что у васъ былъ Иванъ Ѳедоровъ?“ Всѣ замолчали; крикъ мой былъ отчаянный: я кричалъ за Русскую честь. „Въ томъ нѣтъ Русской крови, кто не захочетъ почтить память Ивана Ѳедорова!“ прокричалъ я изъ всей силы. Мой уголъ забилъ въ ладоши и — память Ивана Ѳедорова началась возгласами. Вижу, что Полевой злобно смѣется. „Полевой! за память Ивана Ѳедорова!“ сквозь зубы шепталъ историкъ: „Зачѣмъ мѣшать веселье съ археологіей!“ Иду далѣе — и всѣмъ кричу одно: „Память Русскому типографщику!“ Подхожу къ аристократіи, напоминаю о томъ же. „Готовы!“ говорятъ; но — ни съ мѣста. Меня потрясла лихорадка; отчаяніе вышло изъ границъ. „Вамъ стыдно произнесть Русское имя? Вамъ тяжело вспомнить своего предка? Вы забываете страдальца за первую Русскую грамоту? Вамъ ни во что его гоненіе? Вы не помните, какъ невѣдѣніе нашихъ отцовъ изгнало Ѳедорова съ родины? Вамъ нуженъ Гуттенбергъ! Вамъ Русскіе не по плечу!“... Не помню, что̀ дальше говорилъ; помню только, что шумъ, крикъ пробѣгалъ по всѣмъ угламъ; помню только, что Кукольникъ крѣпко сжалъ меня за плеча и безъ милосердія кричалъ: „браво! браво!“ — „Дай руку, Несторъ“, — говорилъ я ему, — „не забудемъ родной славы“. Мы обнялись и поцѣловались. Несторъ плакалъ; я стоялъ въ оцѣпенѣніи; гости злобно и радостно смотрѣли на насъ. „Господа, слово и дѣло!“ съ ужаснымъ отчаяніемъ закричалъ Кукольникъ. Всѣ замолчали. „Подобныя собранія всегда ознаменуются какимъ нибудь подвигомъ. Мы собрались для открытія типографіи и ознаменуемъ этотъ день....“ Я не далъ договорить Кукольнику и закричалъ: „Памятью Ивана Ѳедорова, памятью перваго Русскаго типографщика!“ Въ одно мгновеніе закричали Русскіе: „Память Ивана Ѳедорова! Память Ивана Ѳодорова!“ — Я искалъ глазами Одоевскаго, предложившаго тостъ Гуттенберга, и Одоевскій кричалъ также объ Иванѣ Ѳедоровѣ. Гляжу: Кукольникъ всталъ на стулъ и указательнымъ перстомъ размахивалъ возгласы посѣтителей. „Господа, господа!“ — говорилъ онъ, — „въ честь и память нашего собранія отблагодаримъ нашихъ добрыхъ хозяевъ....“ Я также вскочилъ на стулъ и не далъ далѣе говорить Кукольнику. „Пускай каждый изъ насъ напишетъ статью, и въ память Ивана Ѳедорова хозяева издадутъ *Сборникъ*.“ — „Готовы! готовы!“ — отвѣчали Русскіе писатели. „Жизнь Ивана Ѳедорова, — говорилъ я, — будетъ

первою статьею Типографскаго Сборника.“ Кукольникъ опять размахивалъ перстами и кричалъ: „Оную жизнь возложимъ на Ивана Петрова. Согласны, господа?“ — и вдругъ Владиславлевъ съ Воейковымъ подаютъ мнѣ листъ бѣлой бумаги и чернильницу съ перомъ. Я понялъ вызовъ, всталъ со стула и увлекъ за собою Кукольника. „Пиши, Несторъ, что доставишь статью! Приборы прочь! — кричалъ я, — давай просторъ!“ Въ-мигъ тарелки на полъ; Несторъ пишетъ свое имя и кричитъ: „Иванъ Петровъ! пиши и ты!“ Я написалъ. Владиславлевъ на бумагу налилъ шампанскаго. Ура и браво огласило всѣ стѣны. Кукольникъ и я заставляли каждаго подписываться. Вижу, что аристократія уплелась въ другія комнаты; я съ Кукольникомъ преслѣдую ихъ. На встрѣчу мнѣ Одоевскій: „Ну, князь, пиши,“ — и князь мой пишетъ съ покорностію. Вижу. что Плетневъ кроется въ уголокъ; я за нимъ. Ему ужасно не хотѣлось подписать своего имени. „Чего хочешь?“ — говоритъ онъ, — „требуй отъ меня, только избавь отъ подписки.“ Вижу его несговорчивость, вижу его увертливость и, вспоминая приличія, готовъ бы былъ уступить, еслибъ не понималъ его скрытности. „Я неволенъ,“ — говорилъ ему, — „дѣлать уступки въ общемъ дѣлѣ; желанія всѣхъ писателей имѣли одну цѣль“; и — передалъ листъ Вяземскому. „Ну, Кукольникъ, работай ты!“ Толпа окружила меня. „Ну, господа, теперь другое дѣло: кому быть редакторомъ Сборника?“ — „Здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ,“ говорилъ я и со всѣми удалился въ столовую залу. Здѣсь, на встрѣчу мнѣ Воейковъ идетъ съ распростертыми объятіями. „Да будетъ редакторомъ,“ — говорилъ я, — „Александръ Ѳедоровичъ! Пускай каждый изъ насъ передастъ ему всѣ написанныя статьи“.

Шумно и весело запивали гости разные тосты; прихоть каждаго пѣнилась въ покалахъ шампанскаго; пѣвчіе пѣли пѣсни, музыканты вторили. Неоттуда-неотсюда выскочилъ Кукольникъ и давай плясать въ присядку; къ нему присоединились Полевой и другой Кукольникъ. Веселью не было конца. Гостей и хозяевъ качали поочередно.

Въ это время я замѣтилъ въ углу маленькую толпу: Полевой мирился съ Одоевскимъ; посредникомъ былъ Карлгофъ. Въ это время миролюбивые друзья заключили договоръ написать вшестеромъ романъ, который не удался отъ соучастія Булгарина и Греча. Вражда Полеваго съ Одоевскимъ началась съ изданія книги: „Пестрыя сказки съ краснымъ словцемъ.“ Одоевскій, издавая эту книгу, скрылъ свое имя и выдалъ ее подъ именемъ Гомозѣйки. Полевой, знавши имя сочинителя, смѣялся, что ученый магистръ Гомозѣйка спрятался отъ публики въ реторту: реторта, въ самомъ дѣлѣ была виньеткою въ книгѣ Пестрыхъ сказокъ. Первое знакомство Одоевскаго съ Полевымъ началось въ Москвѣ, когда онъ издавалъ съ Кюхельбекеромъ Мнемозину.

Въ это время я узналъ, что аристократія иначе не соглашалась ѣхать на новоселье типографіи, какъ съ условіемъ не приглашать Сенковскаго, Булгарина и Греча. Въ Ноябрьской книжкѣ Сенковскій разругалъ Вяземскаго за неисполненіе обѣщанной книгопродавцу біографіи Фонъ-Визина. Греча и Булгарина они давно ненавидѣли за разные доносы и подлости.

Гости разошлись уже въ десятомъ часу. Воейковъ на прощаньи читалъ свой „Сумасшедшій домъ“ [4]).

На другой день Воейковъ пріѣзжалъ ко мнѣ и, не заставъ дома, оставилъ записку слѣдующую:

„Воейковъ пріѣзжалъ поблагодарить м. г. Ивана Петровича за его посѣщеніе и узнать: въ шутку или въ самомъ дѣлѣ онъ предлагалъ ему и товарищамъ его, Владиславлеву и Жукову, хлопотать о статьяхъ, обѣщанныхъ для ихъ *Новоселья*?“

Обманчивое сомнѣніе Воейкова не столько удивило меня, сколько указывало на виды Воейкова. На другой день онъ вручилъ мнѣ листочикъ, писанный его рукою:

„Списокъ гостей-писателей, изъявившихъ готовность участвовать въ альманахѣ: *Сборникѣ 6 Ноября 1837 года*.

1. Бурнашовъ.
2. Башуцкій.
3. Брандтъ (N. B. Корректоръ типографіи Жукова, Владиславлева и Воейкова; сочинитель весьма порядочныхъ повѣстей).
4. Брюловъ. Не дастъ ли рисунка?
5. Владиславлевъ. N. B. Потребна повѣсть въ самоскорѣйшемъ времени.
6. Вяземскій, князь.
7. Данилевскій.
8. Каменскій.
9. Корсаковъ.
10. Каратыгинъ первый.
11. Каратыгинъ второй.
12. Карлгофъ.
13. Елизавета Алексѣевна Карлгофъ.
14. Кукольникъ.
15. Крыловъ.
16. Никитенко.
17. Одоевскій, князь.
18. Панаевъ И. И.
19. Полевой.
20. Плетневъ.
21. Поповъ М. М. (N. B. Можетъ выпросить отрывокъ у Лажечникова и дать свою статью).
22. Руссовъ.
24. Розенъ, баронъ.
24. Сибиряковъ.
25. Сахаровъ.
26. Соколовъ И. Д.
27. Терещенко.
28. Толстой, графъ Ѳ. П. рисунокъ изъ Душеньки.
29. Уткинъ.
30. Ѳодоровъ Б. М. отрывокъ изъ Курбскаго.
31. Фрейгангъ.
32. Штевенъ.
33. Яковлевъ полковникъ.
34. Якубовичъ.
35. Краевскій.
36. Губеръ.
37. Степановъ“.

Воейковъ, вручая этотъ списокъ, твердо былъ увѣренъ, что я рѣшусь требовать отъ каждаго статью. Это была его главная цѣль. 12 Ноября онъ прислалъ мнѣ странное письмо; вотъ оно:

„Какъ идутъ наши дѣла, добрый, многоуважаемый мною Иванъ Петровичъ? Очень, весьма, чрезвычайно хорошо было (бы) достать пьесу въ прозѣ отъ князя Одоевскаго, отъ Панаева, отъ васъ или отъ Терещенка; тогда бы можно, благословясь, начать печатать. Сегодня я былъ у цензора П. А. Корсакова: отвезъ ему три стихотворенія барона Розена и оголовокъ Сборника. Онъ позволилъ присылать къ себѣ статьи, въ него на-

---

[4]) Описаніе этого знаменитаго обѣда при открытіи новой типографіи находится и въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» И. И. Панаева, помѣщенныхъ въ Современникѣ 1861 г. (№ 1, т. LXXXV, стр. 194—198). Но здѣсь представлены другія подробности.

П. С-въ.

значенныя, даже по градской почтѣ. Нѣтъ (ли) прозы готовой у Андрея А. Краевскаго? Помнится, что есть? Возьмите-ка да привезите ко мнѣ. Я немного нездоровъ и завтра просижу дома утромъ до 12-ти часовъ, вечеромъ отъ 6-ти до полуночи. Въ воскресенье — также съ 8-ми утра до полудни и съ 6-ти вечера до полуночи. Вы навѣрное найдете меня въ моей старческой кельѣ, если потребуетъ необходимость со мной видиться. Отъ себя я велю отвести васъ, куда вамъ угодно, въ своихъ дрожкахъ. — Вамъ много и премного обязанный А. Воейковъ."

Это письмо убѣдило меня, что Воейковъ въ самомъ дѣлѣ считаетъ меня своею оброчною статьею, и доказалъ это на самомъ дѣлѣ на вечерѣ у Кукольника, гдѣ онъ съ настойчивостью требовалъ отъ меня, чтобы выпросилъ у Брюлова рисунокъ для Сборника, съ которымъ я никогда не былъ знакомъ [5]). Время долго длилось, а еще болѣе готовились приготовленія. Воейковъ задалъ нѣсколько вечеровъ, гдѣ первенствовали всегда Руссовъ и Воейковъ; около нихъ — Б. М. Ѳедоровъ. Скоро появился альманахъ, а скорѣй того знаменитое объявленіе, перепечатанное Булгаринымъ въ Пчелѣ. Въ слѣдъ за выходомъ альманаха и началась между компаніею ссора, прекратившая всѣ виды на будущее состояніе литературы, продажею типографіи Фишеру.

*

Знакомство съ Воейковымъ началось въ книжной лавкѣ Лисенкова, вскорѣ послѣ передачи имъ Литературныхъ Прибавленій В. А. Владиславлеву. Когда же Краевскій захозяйничалъ этою газетою, то свиданіе наше повторялось очень часто. Однажды Степановъ всѣхъ насъ нарисовалъ въ каррикатурномъ видѣ—въ кабинетѣ Краевскаго. Воейковъ долго гнѣвался на насъ за эту каррикатуру, хотя мы сами узнали объ этомъ спустя недѣлю. Съ отнятіемъ у Плюшара Литературныхъ Прибавленій, Воейковъ и Краевскій пригласили меня быть посредникомъ между ими. Дѣло было трудное — согласить обоюдныя требованія; но оно кончилось гораздо лучше для Краевскаго, нежели для Воейкова. Но подъ конецъ вышло очень непріятное положеніе для меня. Я ничего не зналъ, какъ вдругъ Воейковъ является ко мнѣ рано утромъ съ заемнымъ письмомъ, написаннымъ по всей формѣ, на мое имя, и требуетъ, чтобы я выдалъ деньги подъ это письмо. Краевскій будто, не желая тратить денегъ на условіе, уговорилъ Воейкова, чтобы онъ самъ написалъ условіе у маклера, а что деньги на это будто даю я подъ заемное письмо. Воейковъ такъ и сдѣлалъ. Сколько я ни убѣждалъ Воейкова, что у меня нѣтъ денегъ; но онъ и слышать не хотѣлъ, а съ досадою оставилъ у меня письмо и отправился къ Краевскому — выговаривать. Краевскій, не давши мнѣ знать объ этомъ, рано утромъ отправилъ къ Воейкову деньги и уже на другой день извѣстилъ меня объ этомъ. Слышалъ послѣ, что Воейковъ крѣпко гнѣвался на меня за неуваженіе въ такомъ дѣлѣ. Когда же кончился срокъ, Воейковъ чинно прислалъ мнѣ процентовыя деньги, требуя переписать письмо вновь на будущій срокъ. Заемное письмо было давно передано отъ меня Кра-

[5]) Здѣсь оканчивается неизвѣстный мнѣ почеркъ; далѣе все писано самимъ И. П. Сахаровымъ.

П. С-въ.

евскому, по надписи; проценты были возвращены. Воейковъ обидѣлся снова, узнавши, что я передалъ письмо Краевскому. Онъ и умеръ, не знавши этой продѣлки.

Продолжительная болѣзнь Воейкова кончилась ракомъ мочеваго пузыря. Воейковъ велъ свои Дневныя Записки. Предъ смертію онъ поручилъ свои дѣла и семейство Л. В. Дубельту. Вѣроятно, эти Записки поступили къ нему на сохраненіе. Я былъ на похоронахъ у него съ Владиславлевымъ. Кромѣ Руссова, никого не было изъ пишущей братіи. Жена и дѣти горько плакали [6]). Воейкова схоронили на кладбищѣ, гдѣ пороховой заводъ. Послѣ смерти, его библіотеку продавалъ, по порученію Л. В. Дубельта, Василій Михайловичъ Поповъ, служившій въ III-мъ отдѣленіи.

Многіе говорили, что Воейковъ незадолго предъ смертію женился на своей горничной; будто Л. А. Якубовичъ былъ на этой свадьбѣ, за Охтою, гдѣ Воейковъ всегда живалъ лѣтомъ на дачѣ. Послѣ смерти уже оказалось, что Воейковъ дѣйствительно былъ женатъ: когда Краевскій при перемѣнѣ названія Литературныхъ Прибавленій на Литературную Газету — заключилъ условіе съ его женою. Не знаю, что̀ сдѣлалось послѣ съ его дѣтьми, рожденными до брака. Къ Якубовичу часто хаживалъ молодой медикъ Добросклонскій, обучавшійся въ Московскомъ Университетѣ, котораго Якубовичъ выдавалъ мнѣ за сына Воейкова. Въ немъ не было ничего сходнаго по лицу; одинъ только голосъ былъ похожъ на Воейкова. Этотъ медикъ еще при жизни Воейкова застрѣлился.

Подъ конецъ своей жизни Воейковъ ссорился почти со всѣми. Разъ Панаевъ пригласилъ къ себѣ литераторовъ на ужинъ. Тутъ былъ и Воейковъ; какъ на бѣду, онъ поссорился съ Н. А. Полевымъ, и почти дѣло доходило до крупнаго. Панаевъ тогда еще не былъ женатъ на дочери Брянскаго.

Воейковъ не могъ слышать равнодушно про Сенковскаго, Булгарина, Греча и Полеваго. Любопытно взглянуть на Записки Воейкова и читать его тайны. Одинъ „Домъ сумасшедшихъ“ явно доказываетъ его злобу.

*

Якубовичъ, Лукьянъ Андреевичъ [7]). Въ первый разъ видѣлъ я Якубовича въ Тулѣ. Его отецъ служилъ тогда въ Тулѣ предсѣдателемъ гражданской палаты. Какъ теперь его вижу: онъ пріѣхалъ съ матерью, съ двумя сестрами въ церковь, въ воскресенье. Лукьянъ Андреевичъ только что вышелъ изъ Университетскаго Пансіона, —худой, желтой, волосы обстрижены подъ гребенку. Въ Тулѣ я не былъ съ нимъ знакомъ. Съ переѣздомъ моимъ въ Москву, ознакомясь съ С. И. Терпигоревымъ въ 1831 году, я нашелъ Якубовича у него въ домѣ, постояннымъ его другомъ. Въ домѣ Терпигорева и жилъ тогда Якубовичъ почти всю зиму. Здѣсь мы съ нимъ уже сблизились. Изъ дома Терпигорева Якубовичъ переѣхалъ въ Питеръ и велъ со мною переписку. Съ утра до вечера Лукьянъ

[6]) О смерти Воейкова см. еще въ Литературныхъ воспоминаніяхъ И. И. Панаева (Соврем. 1861 г. № 11. т. LXXXX. стр. 74 и слѣд.), который, кажется, не зналъ о женитьбѣ Воейкова. *П. С-въ.*

[7]) Эта записка находится при письмахъ Якубовича къ Сахарову. Мы дали ей мѣсто здѣсь—къ слову о Якубовичѣ. *П. С-въ.*

Андреевичъ путешествовалъ по Москвѣ, а ночью садился за перо. За чаемъ онъ читалъ Терпигореву свои стихи. Всѣ свои стихи онъ писалъ въ книгу in 4° и очень не жаловалъ тѣхъ, которые осмѣливались сказать ему что нибудь противъ. Болѣе всѣхъ съ нимъ спорилъ Григорій Александровичъ Чаплыгинъ. Я все еще жилъ въ Москвѣ, когда Якубовичъ вторично пріѣзжалъ въ Москву. Семейство Терпигоревыхъ уже уничтожилось. Свиданіе наше бывало въ книжной лавкѣ Глазунова и у меня въ квартирѣ на Мѣщаниновомъ подворьѣ. Всю зиму 1834-го года онъ прожилъ въ Москвѣ. Веселье, разговорчивость и поэзія не покидали его никогда. Изъ Москвы онъ поѣхалъ въ Калугу къ отцу. Мать и сестра его померли. Недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ мучилъ его день и ночь. Якубовичъ ни о чемъ не думалъ: философъ въ душѣ, беззаботный и безпечный въ жизни, другъ поэзіи, онъ жилъ внѣ всякой сферы (sic!). Когда судьба перенесла меня въ Питеръ, здѣсь я опять съ нимъ свидѣлся. Бросивъ всякую службу, онъ жилъ въ крайней бѣдности: все его состояніе состояло изъ шинели, сюртука и нѣсколько книгъ. Тысячи рублей, пересылаемыхъ ему отцемъ, было недостаточно. Маленькая комната на чердакѣ, въ Семеновскомъ полку, зиму и лѣто нетопленая, была его пріютомъ для ночлега. Помѣщая свои піэсы въ журналахъ и газетахъ, онъ кое-какъ перебивался. Желѣзное здоровье его начинало разстроиваться; Якубовичъ рѣшительно заболѣлъ и заболѣлъ безнадежно. Безъ денегъ, безъ средствъ, безъ ближнихъ, страдалецъ лежалъ въ своемъ жилищѣ. Друзья и знакомые рѣшились ему помочь; но какъ это вспоможеніе доставлено было при особомъ листѣ, гдѣ добродѣтельные люди вписали свои имена и сумму денегъ, то Якубовичъ рѣшительно отказался отъ пожертвованій. Чаще всѣхъ навѣщалъ его Степановъ, прославившійся своими каррикатурами. Между тѣмъ родной дядя его Яковлевъ не хотѣлъ знать, что племянникъ такъ боленъ. Съ появленіемъ весны, Якубовичъ оправился, началъ выходить. Отецъ вызывалъ его въ Калугу, рѣшительно отказывая даже въ послѣднемъ средствѣ — въ деньгахъ. Глубоко проникнувшая болѣзнь-ревматизмъ и разлитіе желчи произвели другую опасную болѣзнь, водяную въ груди. Здѣсь уже сжалился и дядя. Подъ конецъ жизни улыбнулось ему счастіе: отецъ раздѣлилъ свое имѣніе ему и сестрѣ его и вызывалъ принять во владѣніе маленькую деревню. Въ это самое время умеръ его дядя — богатый Малороссіянинъ. Якубовичу доставались деньги и крестьяне; но не было здоровья, не было надежды на жизнь. Подъ конецъ лѣта Якубовичъ отправился къ отцу и—тамъ померъ.

Вписывая и переписывая свои стихи въ книги, Якубовичъ рѣшился ихъ напечатать. Дядя его Яковлевъ отдалъ, или лучше сказать поручился за него въ типографіи Гуттенберговой, печатать. Б. А. Врасскій напечаталъ и выдалъ по лавкамъ. Кажется, что Якубовичу пользы отъ нихъ не было; выгода та только, что онъ свои стихотворенія раздарилъ пріятелямъ и знакомымъ.

Подъ конецъ жизни, Якубовичъ завелъ альбомъ; въ этотъ альбомъ волею и неволею заставлялъ онъ всѣхъ писателей вписывать на память. Дмитріевъ И. И., проѣзжая въ Ревель,

предъ своею смертію, первый вписалъ въ его альбомъ, а за нимъ и другіе. Изъ этого альбома послѣ журналисты изволили перепечатывать.

Якубовичъ былъ друженъ со всѣми; да ужъ коли онъ, бывало, кого разлюбитъ, такъ всюду его преслѣдовалъ. Неправды не любилъ и до гроба не могъ терпѣть Полеваго Николая—за старую Московскую ссору. Ненавидѣлъ и Брамбеуса: Полячишка, черная душонка,— говаривалъ онъ. Странное дѣло, что онъ друженъ былъ съ А. Ѳ. Воейковымъ; онъ одинъ пировалъ на свадьбѣ Воейкова въ селеніи. Съ Пушкинымъ у нихъ была дружба неразрывная. Предъ смертію Пушкина приходимъ мы, я и Якубовичъ, къ Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ на стулѣ; на полу лежала медвѣжья шкура; на ней сидѣла жена Пушкина, положа свою голову на колѣни къ мужу. Это было въ воскресенье; а чрезъ три дня уже Пушкинъ стрѣлялся. Здѣсь Пушкинъ горячо спорилъ съ Якубовичемъ и спорилъ дѣльно. Здѣсь я слышалъ его предсмертные замыслы о Словѣ Игорева полка—и только при разборѣ библіотеки Пушкина видѣлъ на лоскуткахъ начатыя замѣтки. Тогда же Пушкинъ показывалъ мнѣ и дополненія къ Пугачеву, собранныя имъ послѣ изданія. Пушкинъ думалъ передѣлать и вновь издать своего Пугачева.

Якубовичъ былъ друженъ съ Полежаевымъ и горячо его любилъ. Помню, какъ онъ хлопоталъ поставить памятникъ на могилѣ Полежаева. За то онъ горько негодовалъ на Струйскаго, считавшагося роднымъ Полежаеву.

Въ послѣднее лѣто своей жизни, истощенный во всѣхъ средствахъ, рѣшился все свое имущество разыграть въ лоттерею. Книги, книги и книги съ трубками были разыграны; но этотъ скудный сборъ не поправилъ Якубовича.

При выходѣ первой книжки Отечественныхъ Записокъ Якубовичъ сильно негодовалъ на Краевскаго. Рано утромъ, въ воскресенье, онъ явился съ своими знакомыми, сотрудниками Краевскаго, къ самому Краевскому. Здѣсь-то было негодованій, негодованій! Якубовичъ выпросилъ тогда для Краевскаго у своего дяди, Яковлева, пѣсни Дельвига, съ обѣщаніемъ наградить Яковлева экземпляромъ Отечественныхъ Записокъ. Послѣдствія этой ссоры были не очень ладны для всѣхъ.

Было темное преданіе, что Якубовича считали мистикомъ. Навѣрное не могу сказать объ этомъ. Слышалъ объ этомъ отъ лицъ, принадлежащихъ къ мистикѣ; но въ душѣ Якубовича, кажется, никогда этого не бывало. Я видалъ Якубовича и на распашку—въ разгулѣ, и въ горѣ, и въ бѣдѣ, и одного съ угрюмой думою, и тутъ мистицизмъ ни въ чемъ не проявлялся. Правда, Якубовичъ вѣрилъ безусловно въ Бога и не могъ терпѣть нахала-безбожника.

*

28 Апрѣля 1841.

Сейчасъ видѣлъ у П. Д. Маркелова бумаги Вологодскаго епископа Онисифора, присланныя имъ къ князю А. Н. Голицыну. Въ этихъ бумагахъ символическое изображеніе видѣній на рукахъ: явленіе весьма замѣчательное. Всѣ бумаги и рисунки писаны рукою Онисифора. Видѣніе о Греціи предъ возстаніемъ, видѣніе его о людяхъ и ихъ дѣйствіяхъ въ видѣ свѣта осіяющаго, какъ онъ

говоритъ. Онисифоръ былъ оберъ-священникомъ и находился при Аустерлицкомъ сраженіи. Изъ Вологды онъ переведенъ въ Екатеринославль. Тутъ же письмо (Онисифора) къ И. А. [8]), коему только одному, какъ онъ говоритъ, можетъ открыть свои видѣнія. Замѣчательна также картина видѣнія Е. Пав., которая, въ этомъ видѣніи, подаетъ ему, Онисифору, пять булавокъ.—Здѣсь случился И. В. Куличенковъ, который зналъ лично въ Вологдѣ Онисифора, какъ архипастыря добродѣтельнаго и святой жизни [9]).

Символическія изображенія Онисифора и Авеля—загадка для будущаго времени. Только одни ихъ автографы могутъ увѣрить потомство, что

---

[8]) То есть къ Императору Александру Павловичу.—Отъ отца своего, бывшаго священникомъ въ Вологодскомъ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ, неоднажды слышалъ я, что преосвященный Онисифоръ имѣлъ какое-то видѣніе на ладоняхъ рукъ и писалъ объ этомъ императору Александру Павловичу, который, по этому случаю, даже вызывалъ его въ Петербургъ (а не въ Ярославль, какъ сказано въ замѣткахъ Вологжанина, помѣщенныхъ въ Рус. Архивѣ 1865 г. изд. 2. стлб. 941. подстрочн. прим.). Памятникомъ этой поѣздки Онисифора осталась всемилостивѣйше пожалованная ему бриллiантовая панагія, хранящаяся въ ризницѣ крестовой церкви Вологод. архіерейскаго дома. Это было въ 1822-мъ году. Собиратель историческихъ свѣдѣній объ іерархахъ Вологодской епархіи, Н. И. Суворовъ, замѣтилъ также, что «преданіе облекаетъ поѣздку преосв. Онисифора въ С. Петербургъ въ 1822 году таинственностію и говоритъ, что около того времени преосв. Онисифоръ имѣлъ какое-то видѣніе на ладони своей руки и что вызовъ его въ С. Петербургъ имѣлъ связь съ этимъ видѣніемъ. Объ этомъ слышали мы отъ нѣсколькихъ достопочтенныхъ и достойныхъ вѣроятія старожиловъ» (Приб. къ Волог. епарх. вѣдом. 1868 г. № 6). Замѣтка И. П. Сахарова служитъ новымъ подтвержденіемъ этого преданія. *И. С-вз.*

[9]) Упомянутый въ предыдущемъ примѣчаніи собиратель свѣдѣній объ іерархахъ Вологодской епархіи говоритъ, что «по единогласному отзыву современниковъ, лично и хорошо знавшихъ преосвященнаго Онисифора въ Вологдѣ, онъ былъ необыкновенно-духовной, высоко-благочестивой и строго-подвижнической жизни; отличался патріархальною во всемъ простотою, величайшею добротою, общедоступностію и благотворительностію.... Любвеобильный ко всѣмъ, преосв. Онисифоръ пользовался всеобщею любовію къ себѣ пасомыхъ и оставилъ по себѣ память добрѣйшаго архипастыря». — Я вспоминаю сего святителя въ первый разъ въ домѣ моего отца. Въ день храмоваго праздника, въ нашей приходской церкви, 29 Августа, всегда бывало архіерейское служеніе. Одинъ разъ, послѣ литургіи, отецъ мой, бывшій въ этотъ день именинникомъ, вздумалъ пригласить къ себѣ владыку на завтракъ. «Сегодня постъ; я не ѣмъ рыбы,» сказалъ владыка. «Да у меня—грибы, ваше преосвященство,» отвѣчалъ ему отецъ. «Хорошо». Посѣтивши насъ, онъ остался очень доволенъ нашимъ самымъ скромнымъ грибнымъ угощеніемъ. Помню, что онъ неоднажды благословилъ меня. Я былъ тогда еще малюткою, но благолѣпныя черты лица его врѣзались въ моей памяти. Сдѣлавшись подросткомъ, я очень часто ходилъ на архіерейскія служенія въ соборъ, который всегда бывалъ полонъ народа, привлекаемаго благоговѣйнымъ служеніемъ архіерея. При послѣднемъ служеніи его въ Вологодскомъ соборѣ, архимандритъ (Евтихіанъ или Мельхиседекъ—не могу припомнить), говорившій ему прощальную рѣчь, едва могъ кончить ее отъ слезъ; народъ плакалъ на-взрыдъ.— Преосв. Онисифоръ, въ мірѣ Онисимъ Боровикъ, былъ родомъ изъ Могилевской губерніи, происходилъ изъ духовнаго званія; по окончаніи курса ученія, въ 1788 году произведенъ во священника; въ 1789 году поступилъ въ армейское духовенство, гдѣ въ 1796 г. произведенъ въ протоіерея; въ 1800 г. Всемилостивѣйше пожалованъ наперстнымъ крестомъ, въ 1804 камилавкою, въ 1808 наперстнымъ крестомъ украшеннымъ драгоцѣнными камнями, въ 1810 орденомъ св. Анны втораго класса; съ 1800 по 1808 г. былъ благочиннымъ, а съ сего по 1813 г. и старшимъ благочиннымъ въ арміи; съ 1792 по 1813 же былъ въ разныхъ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ; 25 Августа 1813 г., при разрѣшеніи вступить ему въ монашество, Высочайше повелѣно представить его кандидатомъ на первую архіерейскую вакансію, уважая отличную и долговременную его службу; 13 Октября того же года онъ назначенъ, а 22 Февраля 1814 хиротонисанъ во епископа Вологодскаго; 28 Ноября 1827 г. переведенъ въ Екатеринославль, 2 Января 1828 возведенъ въ санъ архіепископа и 30 Апрѣля того же года скончался (Спис. ар-

были такіе люди. Авель также писалъ свои видѣнія на маленькихъ тетрадкахъ, которыхъ очень много по свѣту гуляетъ. Въ Москвѣ Авель живалъ у Мудрова Матвея Яковлевича. Мнѣ объ немъ часто говаривалъ Петръ Ларіоновичъ Страховъ. Его зналъ и П. Д. Маркелловъ, видавшій записныя тетради Авеля. Къ этимъ двумъ лицамъ надобно прибавить и Вологодскаго, убитаго подъ Варною, отвѣчавшаго на заданные вопросы по неизвѣстнымъ ключамъ. Авель померъ въ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ.

*

Въ день похоронъ Шишкова [10]) прихожу къ Бороздину К. М. У него былъ огорченный Д. И. Языковъ. Старики горевали и вспоминали о своемъ президентѣ. Вотъ разсказы Д. И. Языкова.

Члены изъ духовенства долго уговаривали А. С. Шишкова выбрать Павскаго своимъ членомъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ убѣжденій, Шишковъ согласился. Былъ уже подписанъ имъ протоколъ о балотировкѣ въ члены Павскаго, и членамъ препровождены были билеты для подачи голоса, какъ вдругъ Шишковъ присылаетъ за Д. И. Языковымъ и говоритъ, что онъ несогласенъ на выборъ Павскаго и чтобы онъ оставилъ всѣ дѣйствія по этому выбору. Языковъ объявилъ, что уже всѣ билеты разосланы къ членамъ; но Шишковъ и слышать не хотѣлъ. Это было въ пятницу; а въ субботу явился въ засѣданіе Академіи Шишковъ и объявилъ прямо, что онъ оставляетъ выборъ Павскаго. Языкову же показывалъ Шишковъ, что онъ потому не можетъ выбрать Павскаго, что онъ будто испортилъ переводомъ Св. Писаніе и въ доказательство показалъ бумагу. Д. И. Языковъ говорилъ, что эта бумага заключала въ себѣ доносъ Магницкаго. Бороздинъ же нежеланіе Шишкова на выборъ въ академики Павскаго объяснялъ тѣмъ, что Шишковъ и Павскій спорили когда-то о корняхъ словъ, и что Павскій, вопреки Шишкова, доказывалъ противное. Языковъ дополнилъ, что въ этомъ дѣлѣ много хлопоталъ академикъ Красовскій, и что съ этого времени будто заболѣлъ Шишковъ.—Въ это время пришелъ къ Бороздину Мельгуновъ, который говорилъ, что въ домѣ у Шишкова были двѣ партіи: жены и племянницы. Одни были постоянными посѣтителями жены, другіе — племянницы. Вѣчныя ссоры жены и племянницы много огорчали А. С. Шишкова; къ тому же изъ посѣтителей были люди, умѣвшіе постоянно поддерживать ссору. А. С. Шишковъ написалъ Записки. Д. И. Языковъ говорилъ, что онъ эти Записки хотѣлъ, запечатавши, положить на храненіе въ Академію; но будто предъ смертію отдалъ ихъ князю Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову [11]).

Д. И. Языковъ говорилъ: однажды А. С. Шишковъ предложилъ какого-то Нѣмца въ дѣйствительные члены.

хіер. и дѣла въ архивѣ св. Синода; см. *Ю. В. Толст.*: Сп. архіер. Спб. 1872. стр. 28. Приб. къ Волог. епарх. вѣд. 1868 г. № 6. Служившій при Онисифорѣ церковникомъ Иванченко разсказывалъ мнѣ, что послѣ одной рукопашной битвы съ Французами достались въ добычу непріятелю походная церковь, съ которою слѣдовалъ старшій благочинный О. Боровикъ и экипажъ его. *П. С-въ.*

[10]) А. С. Шишковъ скончался въ Петербургѣ 9 Апрѣля 1841. *П. Б.*

[11]) Нынѣ Записки эти изданы съ превосходными примѣчаніями и со всевозможною тщательностью Н. С. Киселевымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ (Берлинъ 1870, 2 тома). *П. Б.*

Всѣ другіе члены запировали (sic), и предложеніе не состоялось. Въ это время бывшій въ засѣданіи А. С. Пушкинъ сказалъ: „Только и было два мѣста у насъ, гдѣ не было Нѣмцовъ: это — Россійская Академія и лейбъ-гвардіи казачій полкъ.“

„Однажды, — говорилъ Языковъ, — въ бесѣдѣ съ Шишковымъ объ уничтоженіи чужеземныхъ словъ изъ Русскаго языка я замѣтилъ Александру Семеновичу, что онъ самъ изволилъ ввесть чужеземное слово — еще въ Уставъ Академіи. „Какое?“ закричалъ Шишковъ. — „Президентъ“, отвѣчалъ Языковъ. Шишковъ долго молчалъ, а потомъ сказалъ: „Такъ пиши, братъ, въ скобкахъ: Предсѣдатель подлѣ слова президентъ“.

*

19 Мая 1841 года, на 20 минутѣ 9 часа по полудни скончался отъ нервной гнилой горячки Петръ Дмитріевичъ Маркелловъ, на 57-мъ году отъ рожденія. Его схоронили на Смоленскомъ кладбищѣ. Вечеромъ въ день смерти я долженъ былъ увѣдомить князя Александра Николаевича Голицына. Князь горестно принялъ извѣстіе о кончинѣ Маркеллова. На другой день онъ самъ пріѣзжалъ къ нему прощаться.

*

11 Іюня 1841.

Александръ Ивановичъ Ковальковъ родился 1796 года. Его сочиненія: 1. *Плоды сердца*. Москва. 1811 года, въ Универс. тип., съ портретомъ на заглавномъ листѣ. На оберткѣ изображенъ крестъ въ сердцахъ. 2. *Мысли о мистикѣ*. Орелъ. 1815 года. Другія его сочиненія напечатаны въ журналѣ Невзорова: *Другъ просвѣщенія*. Ковальковъ мнѣ показывалъ болѣе десяти рукописныхъ томовъ своихъ сочиненій не напечатанныхъ.

Іюня 6 числа былъ въ Павловскѣ на дачѣ у Соллогуба. Соллогубъ мнѣ показывалъ 18 книжекъ, писанныхъ рукою А. С. Шишкова. Онъ купилъ ихъ на толкучемъ рынкѣ. Въ этихъ книжкахъ помѣщены его письма и сочиненія. Здѣсь была и черновая Краледворская рукопись, корни словъ, записка объ изданіи его Записокъ и отрывокъ о началѣ царствованія Императора Александра Павловича. Соллогубъ подарилъ ихъ Далю, а отъ него перешли къ Погодину.

Бумаги Маркеллова поручилъ князь А. Н. Голицынъ разобрать Ковалькову и Прянишникову.

Былъ съ Иваномъ Тарасовичемъ Яковлевымъ у Бороздина. Здѣсь былъ Д. И. Языковъ и Полѣновъ. Они разсказывали много любопытнаго о Каразинѣ. Каразинъ служилъ прежде въ полку и вышелъ въ отставку капраломъ. Ему вздумалось побывать за границей тогда, когда Императоръ Павелъ Петровичъ строго запретилъ выѣздъ. Каразинъ былъ пойманъ и привезенъ въ Петербургъ. Императоръ Павелъ Петровичъ приказалъ его возить въ закрытомъ ботѣ около Кронштата трое сутокъ. Въ началѣ царствованія Императора Александра Павловича Каразинъ въ дежурной комнатѣ дворца положилъ конвертъ съ надписью на имя Императора. Дежурный офицеръ передалъ дежурному генералу, и пакетъ дошелъ по адресу. Послѣ прочтенія, Государь приказалъ Сперанскому отыскать сочинителя. Сперанскій тотчасъ догадался, что это дѣло Каразина; является къ нему и сталъ спрашивать. Каразинъ прямо сказалъ, что онъ

писалъ. Ѣдутъ оба къ Балашову. Балашовъ требуетъ подтвержденія. Каразинъ въ доказательство представилъ свои черновыя бумаги. Говорятъ, что Государь очень милостиво принялъ Каразина, и сталъ онъ съ тѣхъ поръ въ большой милости: на него вдругъ посыпались чины и кресты. Каразинъ былъ правителемъ дѣлъ въ учрежденномъ тогда министерствѣ народнаго просвѣщенія и писалъ уставы университетовъ. Несчастіе съ Каразинымъ случилось по ходатайству за одну купчиху, на дочери которой онъ думалъ жениться. Каразинъ взялся хлопотать по дѣлу и выигралъ процессъ. Является къ купчихѣ съ предложеніемъ руки, а та ему за хлопоты вручаетъ 50 тысячъ рублей. Съ досады и отчаянія онъ рветъ въ клочки деньги и удаляется. Это дѣло произвело разговоръ очень невыгодный, и Каразинъ удалился въ Харьковъ, гдѣ завелъ общество, женился на дочери Бланкенагеля, родственницѣ Голикова, написавшаго Дѣянія Петра Великаго.

*

10 Іюня вечеромъ былъ у меня Боричевскій и разсказывалъ про Шимкевича, составившаго въ огромномъ размѣрѣ словопроизводный словарь Русскаго языка. Шимкевичъ обучался въ Кіевской академіи, кончилъ курсъ въ 1823-мъ годѣ, и послѣ обучалъ тамъ Нѣмецкому языку; вышелъ въ отставку и служилъ долго въ хозяйственномъ департаментѣ, потомъ перешелъ въ Кіевскій приказъ общественнаго призрѣнія непремѣннымъ членомъ; оттуда опять перешелъ въ хозяйственный департаментъ. Нынѣ въ отставкѣ. Кончилъ свой словарь и передалъ его Уварову, который препроводилъ въ Академію Наукъ. Нѣмецъ Фуссъ долго не принималъ проекта отъ Шимкевича; а послѣ, по настоянію другихъ, уже принялъ его вѣжливо. Кругъ отъ восторга подарилъ Шимкевичу 1000 рублей.

Боричевскій преданъ душею своей родинѣ. Онъ родился въ Минской губерніи, обучался въ Кіевской академіи, потомъ былъ учителемъ въ Орловской семинаріи, а теперь служитъ въ инспекторскомъ департаментѣ, у Клейнмихеля. Отецъ его, священникъ, былъ другомъ Пеликана. Выгодная женитьба прельстила Боричевскаго; мечты его не сбылись и, какъ кажется, онъ теперь бѣдствуетъ.

3 Іюля 1841.

Былъ у Е. И. Голицыной. Здѣсь видѣлъ Шишкину, фрейлину, сочинительницу романа: Князь Скопинъ-Шуйскій. Она была очень говорлива; въ траурѣ, высокаго роста, нѣсколько рябовата собой. Сестра родная ея была игуменьей въ Новгородѣ. Шишкина разсказывала, что Жуковской первый написалъ объявленіе объ ея романѣ; Плетневъ П. А. держалъ корректуру. Романъ сочинительницѣ пришелся въ накладъ: она сама говорила, что онъ ей обошелся печатаніемъ въ 8 тысячъ рублей. Теперь она сочиняетъ романъ: Прокопій Ляпуновъ, отрывки котораго помѣщены были въ Современникѣ. Шишкина говорила мнѣ, что окружена книгами и только послѣ справокъ рѣшается писать. Ей отъ роду, кажется, 45 лѣтъ, какъ я догадываюсь изъ разговоровъ.

*

Еремѣевъ, нумизматъ, сказывалъ мнѣ: Когда Миловъ, основатель въ Санктпетербургѣ старообрядческой

часовни, разсуждалъ съ своими собратіями, во имя кого основать престолъ во вновь учреждаемой часовнѣ, то въ это время неожиданно входятъ два придворныхъ лакея съ мѣстною иконою Св. Николая Чудотворца, присланною къ нимъ отъ Императора Павла Петровича. Устроители рѣшились и основать престолъ во имя Св. Николая. Милову покровительствовалъ,—говорилъ Еремѣевъ,—Государь Павелъ Петровичъ; даже былъ у него въ домѣ и бесѣдовалъ съ старцами. По разсказамъ Еремѣева, Миловъ былъ набоженъ, богомоленъ, усерденъ къ церкви своей и содержалъ строго порядокъ въ церкви.

*

Баронъ Корфъ, Ѳедоръ, сочинитель романа: *Ревельскій магистратъ*, привозилъ ко мнѣ каталогъ библіотеки, снимки съ камеевъ и монеты, оставшіеся послѣ Келлера. Корфъ М. А. ему зять. Онъ много разсказывалъ про Келлера. Библіотека Келлера куплена была Академіей Наукъ.

*

16 Февраля 1845.

Въ 2 часа ночи скончался Василій Григорьевичъ Анастасевичъ. Отецъ его былъ выходецъ изъ Валахіи; поселился въ Кіевѣ. Василій Григорьевичъ Анастасевичъ обучался въ Кіевской академіи, служилъ ,въ полку, потомъ въ канцеляріи Черторижскаго по министерству иностранныхъ дѣлъ; состоялъ на службѣ въ коммиссіи составленія законовъ; былъ цензоромъ и отставленъ за пропущеніе Мицкевичева Валенрода, безъ пенсіи, съ чиномъ статскаго совѣтника. Жилъ циникомъ, въ бѣдномъ положеніи; а послѣ смерти открылось сорокъ тысячъ ассигнаціями въ банковыхъ билетахъ. У него остался братъ родной—священникъ, старикъ около 80-ти лѣтъ, и племянникъ отъ его родной сестры—Журавлевъ. Другой братъ его въ Кіевѣ — золотыхъ дѣлъ мастеръ.

*

Кречетовъ, Василій Ивановичъ. Съ Кречетовымъ познакомился на вечерахъ А. П. Башуцкаго, гдѣ по пятницамъ собиралась молодежъ, гдѣ всѣ дѣлали, что̀ хотѣли—курили табакъ, читали газеты, играли на биліардѣ въ хозяйскомъ кабинетѣ. Однажды входитъ И. И. Панаевъ съ человѣкомъ довольно рослымъ, свѣжимъ, бодрымъ. Гордо онъ обмѣнялся со мною взоромъ. Я удалился въ уголъ, гдѣ сидѣлъ Вернетъ, издатель книги: Графъ Мецъ. Вернетъ уже зналъ меня, хотя я до этой минуты не видалъ его. А. П. Башуцкій ввелъ его въ свѣтъ, какъ писателя; былъ первымъ издателемъ его сочиненій. Во время бесѣды моей съ Вернетомъ, незнакомецъ сомнительно осматривалъ меня, часто проходилъ мимо меня, разговаривалъ кое-что съ Диринымъ—переводчикомъ книги Сильвіо Пеллико. Входитъ Панаевъ. „Сахаровъ!—говоритъ онъ, — хочешь ли, познакомлю тебя съ землякомъ?“—„Очень радъ; но гдѣ и кто?“ — „Василій Ивановичъ! пожалуйте,—говоритъ онъ;—вотъ Сахаровъ“. Мы сблизились, пожали руки и заговорили о Тулѣ. „Я забылъ Тулу; я переселился изъ ней уже болѣе 20 лѣтъ. Я не знаю, живы ли мои родные.“ Грустно было мнѣ смотрѣть и слушать человѣка, пробудившагося воспоминаніями: видно было, что у него на сердцѣ лежало старое горе. „Вѣрно мы съ вами однокорытники?“ — Да, такъ,“—отвѣчалъ (я) своему новознакомому. Съ этой

минуты мы крѣпко подружились. Это было 20 Марта 1837 года.

Василій Ивановичъ, сынъ бѣднаго дьячка, родился въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи; воспитывался прежде въ Тульской семинаріи, а потомъ окончилъ образованіе въ Педагогическомъ Институтѣ; былъ учителемъ въ Лицеѣ; вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассессора и послѣ училъ по частнымъ домамъ. Онъ сочинялъ мало, а больше переводилъ. Лучшее время онъ убилъ на поправки сочиненій своихъ учениковъ. Одна драма его напечатана въ Дѣтскомъ Журналѣ, издаваемомъ Башуцкимъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ много дѣтей; жилъ небогато, но скромно и хорошо. Спѣша на частные уроки, онъ на дорогѣ, на Сѣнной, получилъ апоплексическій ударъ. Въ этомъ горѣ его ученики принимали участіе. Панаевъ сбиралъ даже для него деньги въ кругу своихъ знакомымъ. Этотъ сборъ я видѣлъ въ Павловскомъ воксалѣ. Сколько горестей достается человѣку! Онъ былъ трезвъ; но, увы! жена его испивала горькую.

*

Соколовскій Владиміръ. Соколовскій учился со мною въ Московскомъ Университетѣ въ одно время; но тамъ я не былъ съ нимъ знакомъ. Въ первый разъ я съ нимъ встрѣтился у Краевскаго; видалъ его часто у Башуцкаго и Одоевскаго. Онъ дружевъ былъ съ Л. Якубовичемъ. Его Альму тогда всюду читали [12]), и, можетъ быть, судьба готовила ему лучшую участь, еслибъ не страсть къ вину, друзья и произвольная жизнь.

1837 года, Августа 1-го дня, въ 9 часовъ вечера пришелъ онъ во мнѣ съ Кречетовымъ. Оба были въ смущенномъ видѣ. „Спасите меня,— говорилъ Соколовскій; — я погибаю“. Онъ весь трясся; онъ былъ въ сильномъ запоѣ. Несчастный поэтъ сѣлъ на диванъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Я и Кречетовъ долго стояли въ недоумѣніи. „Соколовскій въ васъ вѣруетъ; онъ хочетъ лѣчиться отъ запоя; онъ съ самаго утра уговаривалъ меня побывать у васъ.“ — „Василій Ивановичъ, отъ запоя нѣтъ лѣкарствъ; въ этомъ дѣйствуетъ одна воля. Да, нужна крѣпкая воля, стойкая рѣшимость, чтобы освободить себя отъ этой мнимой болѣзни.“ — „Нѣтъ, — твердилъ Кречетовъ, — это просто болѣзнь; запой лѣчатъ. Мнѣ многіе разсказывали, что въ этой болѣзни даютъ tartarus emeticus. Пропишите ему это средство.“—„Да согласенъ ли лѣчиться Соколовскій?“— „Какъ же; онъ хочетъ, онъ непремѣнно хочетъ этого. Вѣдь какой человѣкъ! Всѣ принимаютъ въ немъ участіе; всѣ видятъ въ немъ великаго поэта.“—„Все это правда, Василій Ивановичъ; но если онъ самъ не хочетъ поддержать себя, такъ, вѣрьте, ничто не удержитъ его отъ вина“.— „Представьте себѣ,—говорилъ Кречетовъ, — въ этомъ видѣ онъ былъ у графа Ѳедора Петровича Толстаго, у князя Александра Николаевича Голицына. Хорошо ли это? вѣдь онъ все потеряетъ.“—„Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, Василій Ивановичъ, и подоб-

[12]) Только въ рукописи, притомъ неконченную. Влад. Игн. Соколовскій оканчивалъ се уже въ Вологдѣ, куда посланъ былъ подъ надзоръ полиціи осенью 1837 года. Здѣсь онъ былъ первымъ редакторомъ Вологодскихъ губернскихъ вѣдомостей, которыя начали издаваться съ 1838 года. См. о немъ въ Литерат. воспом. И. И. Панаева. (Соврем. 1861 г.), въ Библіогр. Зам. М. И. С. (Отеч. Зап. 1865. Авг. кн. 2) и въ замѣткахъ Ѳ. Н. Фортунатова Рус. Арх. 1865 г. *П. С-въ.*

ныя явленія въ такихъ домахъ не повторяются въ другой разъ." — Послѣ долгаго спора о лѣкарствѣ, Кречетовъ разбудилъ Соколовскаго. Сомнительно глядѣлъ поэтъ на меня; еще болѣе стыдился своего положенія. „Забудьте меня; но лѣчите. Вы спасете для Россіи человѣка. Я, право, сдѣлаю для Россіи великое," — говорилъ Соколовскій. Глаза заблистали у поэта; онъ плакалъ и, вмѣстѣ съ нимъ, плакалъ добрый Кречетовъ. То горестная была минута въ моей жизни; никогда не хочу видѣть подобной борьбы въ человѣкѣ, въ которомъ пробуждается сознаніе къ своему значенію. Первый пробудился Кречетовъ и заговорилъ о рецептѣ. Съ бумагой въ рукѣ обратился я къ Соколовскому и требовалъ настойчиво бросить вино и разгульную жизнь, требовалъ росписки въ изложеніи всѣхъ условій. Соколовскій исполнилъ мое желаніе; но долго не рѣшался дать за себя порукою Альму, свою поэму: видно, что поэтъ не хотѣлъ остыдить свое чадо. Съ грустію провожалъ я своихъ нежданыхъ гостей. — Тщетно было мое ожиданіе: поэтъ не исполнилъ своего обѣщанія. Все это было до его отъѣзда въ Вологду. И тамъ онъ мало воздерживалъ себя. Были слухи, что онъ тамъ влюбился; предметъ его страсти прилагалъ всѣ усилія къ спасенію; но, увы! жестокая болѣзнь, затаившаяся еще съ молодости, низвела его въ могилу. Вотъ его собственноручная росписка: „1837 года Августа 1 дня даю росписку въ томъ, что я обѣщаюсь выполнять все то что̀ мнѣ назначается и сдержу свое слово. Въ этомъ представляю за себя въ ручательство Альму. В. Соколовскій".

*

Анастасевичъ. Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы (въ 1836, въ Февралѣ) пришелъ ко мнѣ на прощанье И. М. Снегиревъ. „Побывайте у Василья Григорьевича Анастасевича: онъ мой другъ и пріятель давнишній. Поклонитесь ему отъ меня и передайте мои ему порученія". Въ Петербургъ я пріѣхалъ во вторникъ на первой недѣлѣ поста, и въ виду моемъ была ужасная масляничная катастрофа, остатки обгорѣлаго балагана Лемана. Вскорѣ я увидалъ Анастасевича. Онъ жилъ во флигелѣ на дворѣ Румянцовскаго Музеума, въ двухъ комнатахъ, за которыя платилъ 25 рублей въ мѣсяцъ. Въ кабинетѣ его, объ одномъ окнѣ, стоялъ у окна столъ, стулъ, старый диванъ, разбитое фортепіано, конторка; книги отъ пола до потолка. Старый коверъ, едва-едва существующій, лежалъ всегда на полу. Посреди шкафъ съ книгами перегораживалъ комнату; за этой перегородкой была его спальня. Онъ бывалъ въ своей квартирѣ до двухъ часовъ, и послѣ возвращался всегда поздно. Онъ никогда ничего не готовилъ дома: всѣ дни обѣдалъ и ужиналъ у своихъ знакомыхъ. Прежде былъ у него человѣкъ, а послѣ и его сослалъ; ему прислуживали сторожа Румянцовскаго Музеума. Онъ выходилъ всегда въ бѣломъ жилетѣ, въ бѣломъ галстукѣ, въ старомъ синемъ фракѣ, въ старой холодной шинели, лѣтомъ и зимой. Лице было чистое, бѣлое; волосы сѣдые, чисто и гладко причесанные, безъ помады. На стѣнахъ висѣли портреты: Д. И. Языкова—его стараго друга, Евгенія, Кіевскаго митрополита, Евгенія Булгара, Потоцкой и его самого, снятый въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ всегда считалъ себя бѣднымъ; не хотѣлъ просить о пенсіи; съ торжествомъ разсказывалъ,

что свое мѣсто при Музеумѣ уступилъ Востокову; онъ и съ нимъ былъ друженъ. Мы скоро познакомились. Онъ захаживалъ ко мнѣ вечеромъ, всегда часу въ 12-мъ, возвращаясь домой. Онъ любилъ вспоминать о митрополитѣ Евгеніѣ, съ которымъ болѣе 20-ти лѣтъ переписывался. Не смотря на приглашенія его, не рѣшался переѣхать въ Кіевъ и ждалъ самаго Евгенія въ Питеръ. Старикъ разсказывалъ о своемъ времени съ жаромъ; былъ свидѣтелемъ многихъ дѣлъ, видѣлъ замѣчательныхъ людей, на старости дней былъ для всѣхъ справочною книгою. Въ среду и субботу, дни обѣденные у Д. И. Языкова, онъ всегда отправлялся къ нему съ записочками, съ справками для Языкова, когда издавался Энциклопедическій Лексиконъ. Болѣе 20-ти лѣтъ занимался библіографіей; планъ библіографіи былъ обширный, нескончаемый. Всѣ свои записки велъ на лоскуткахъ, на бумагѣ промокаемой, которыхъ никто кромѣ его не могъ ни прочитать, ни привести въ порядокъ. Въ послѣдніе годы жизни, его окружали Поляки. Религіи почти онъ никакой не имѣлъ. Съ братомъ роднымъ поссорился за какой-то хуторъ, которымъ когда-то завладѣлъ и считалъ себя Харьковскимъ помѣщикомъ. Къ нему, по праздникамъ, хаживалъ племянникъ—отъ родной его сестры. Былъ друженъ съ В. Н. Берхомъ и съ барономъ Розенкампфомъ: обоимъ помогалъ въ ихъ трудахъ. У него остались всѣ письма, писанныя къ Берху разными лицами. Тщательно хранилъ письма митрополита Евгенія. Любилъ зажиливать чужія книги; въ спорахъ даже подписывалъ на нихъ свою фамилію, какъ знакъ собственности. Услужливъ и вѣжливъ былъ со всѣми; готовъ былъ работать для каждаго, и—все безвозмездно. Велъ свои Дневныя Записки, въ продолговатой книгѣ, которыхъ онъ мнѣ показывалъ двѣ. За недѣлю до смерти его, онъ прислалъ ко мнѣ своего племянника. Я засталъ его въ безпамятствѣ: съ нимъ была горячка. Часа черезъ два онъ опомнился; жаловался на своего медика, что совѣтовалъ ему перейти въ больницу. Въ это время пріѣхалъ навѣстить его И. Б. Шлегель, президентъ Медико-хирургической Академіи, женатый на Романовичевой, съ которымъ онъ былъ друженъ. Мы оба нашли его въ безнадежномъ положеніи. Тутъ мы увидали, что медикъ его Каій поставилъ ему мушку, которая пролежала три дня, безъ всякаго присмотра. При немъ находилась женщина и человѣкъ, приставленные къ нему Польскимъ ксендзомъ. Онъ жаловался, что его заставляютъ принять исповѣдь. „Я твердъ въ своихъ идеяхъ“, — говорилъ онъ;—„знаю, что мнѣ надо“. Когда же онъ померъ, тутъ отыскались деньги. Германъ говорилъ, что у него написано духовное завѣщаніе, но его не нашли. Хоронилъ его нашъ священникъ Маловъ, отъ Исакія. На похоронахъ я видѣлъ Кеппена, Востокова; болѣе пишущей братіи не видалъ. Его схоронили на Смоленскомъ кладбищѣ. Послѣ смерти все было опечатано. Смотритель Румянцовскаго Музеума вытребовалъ разрѣшевіе распечатать его имущество—для отобранія книгъ, принадлежащихъ Музеуму, а племянникъ—для отысканія духовнаго завѣщанія.

Онъ оканчивалъ печатаніе, вторымъ изданіемъ, сочиненія барона Розенкампфа: Историческое изслѣдованіе о Кормчей книгѣ. Баронъ самъ началъ, еще при жизни своей, изданіе это; но померъ, не окончивъ его. Всего

онъ напечаталъ 8 листовъ; послѣ смерти и рукопись, и текстъ долго валялись. Митрополитъ Евгеній, по просьбѣ Анастасевича, далъ своихъ 5 тысячъ рублей ассигнаціями на напечатаніе книги. Дѣло это поручили Д. И. Языкову. Жена Розенк. чрезъ мин. внутр. дѣлъ подписку (sic); что̀ съ этимъ дѣломъ случилось, не знаю. Д. И. Языковъ перенесъ печатаніе этой книги въ типографію Россійской Академіи. Анастасевичъ скорбѣлъ на его медленность и лѣтъ чрезъ пять принялъ окончаніе на себя. Текста отыскалось только два первыя отдѣленія, которыя и допечаталъ Анастасевичъ. Послѣ открылись остатки третьяго и четвертаго отдѣленій, которыя остались въ бумагахъ Анастасевича. Печатали они сего изданія только 100 экземпляровъ: „такъ началъ Языковъ“,—говорилъ мнѣ Анастасевичъ. Послѣ отпечатанія, Анастасевичъ, какъ хозяинъ, разослалъ книгу по разнымъ мѣстамъ, и въ продажу она не поступила [13]). Это было послѣднее литературное дѣло его. По моему приглашенію, онъ началъ приводить въ порядокъ указатель къ журналамъ. Я просилъ его начать съ Миллеровскаго журнала. Дѣло у насъ пошло въ ходъ; смерть застигла его надъ этимъ трудомъ. Года за два до смерти началась у него размолвка съ И. М. Снегиревымъ за Словарь писателей Евгенія. Анастасевичъ говорилъ: „Я выпросилъ у Евгенія, чтобы онъ передалъ изданіе Снегиреву; а онъ что дѣлаетъ? Растеряетъ онъ всѣ бумаги“. Въ это дѣло вступился Д. И. Языковъ и я. Языковъ брался напечатать его на счетъ Академіи Россійской; но Снегиревъ не хотѣлъ выдать рукопись и требовалъ денегъ. Я лично говорилъ объ этомъ Снегиреву, какъ посредникъ ихъ; Снегиревъ обижался нашимъ настояніемъ и говорилъ, что у него хотятъ отнять собственность, трудъ его. Послѣ онъ продалъ Словарь Евгенія М. П. Погодину за 1500 рублей ассигнаціями. Жаль, что въ бумагахъ Евгенія были автобіографіи; ихъ-то онъ не передалъ Погодину для изданія.

[13]) Имѣется въ Чертковской Библіотекѣ. *П. Б.*

*

Краевскій, Андрей Александровичъ. Съ Краевскимъ я познакомился въ первый годъ моего пріѣзда въ С. Петербургъ, въ 1836 году. Не помню теперь, въ какой-то вторникъ, отправился я въ Галерную, въ домъ Румянцовскаго Музеума, гдѣ жилъ тогда Краевскій, въ одномъ флигелѣ съ Анастасевичемъ, дверь противъ двери. Мнѣ долго говорили объ немъ Одоевскій и Анастасевичъ. Вхожу въ его квартиру. Выходитъ низенькая фигура, худощавая, желтая, но бодрая, свѣжая, говорливая. Какъ старые Москвичи, сейчасъ ознакомились. Въ его гостиной встрѣтилъ разныхъ гостей; здѣсь бывали у него: Плетневъ, Анастасевичъ, Невзоровъ, В. В. Григорьевъ, Н. В. Савельевъ, Терещенко, Германъ, здоровой, дородной Нѣмецъ. Въ это время Краевскій завѣдывалъ корректурою Современника. Пушкинъ присылалъ къ нему статьи; Краевскій сносился съ типографіей и окончательно пересылалъ листы къ Пушкину. Какъ теперь помню, сколько было хлопотъ съ Капитанскою Дочкою: Пушкинъ настаивалъ, чтобы отдѣльно напечатана была эта повѣсть; а Краевскій и Врасскій, хозяинъ типографіи Гуттенберговой, не соглашались и, кажется, поставили на своемъ. Въ это время Краевскій служилъ въ редакціи Журнала Мини-

стерства Народнаго Просвѣщенія и въ Археографической Коммиссіи. Тогдато (Я. И.) Бередниковъ искалъ его милости и бралъ къ себѣ въ кумовья. Послѣ они разсорились.

7 Февраля 1846 г. вечеръ.

*

Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ. С. И. Плещеевъ былъ отправленъ въ Лондонъ еще въ дѣтствѣ, а возвратился въ Россію уже двадцати лѣтъ, забывши совершенно Русскій языкъ. При входѣ въ домъ, его встрѣтили первыя сестры, которыхъ онъ не узналъ, и только, по словамъ отца, онъ послѣ расцѣловался какъ братъ. Съ первыхъ дней пріѣзда его начали учить по-русски. Жена его Наталья Ѳедотовна мнѣ говорила, что онъ до того былъ пристрастенъ къ Англійскому языку, что всегда почти или составлялъ планъ сочиненій своихъ по-англійски, или писалъ на черно на немъ, а послѣ уже переводилъ. Онъ былъ женатъ на Натальѣ Ѳедотовнѣ Веригиной; отъ ней онъ имѣлъ троихъ дѣтей, умершихъ въ дѣтствѣ. Ей онъ по смерти предоставилъ все свое имѣніе. Въ домѣ ея живетъ теперь Ковальковъ А. И., женатый на племянницѣ, урожденной Яковлевой. Послѣ него осталась обширная библіотека, которая перейдетъ въ родъ Гагариныхъ. Онъ былъ въ связи со всѣми тогдашними мистиками. М. А. Лѣнивцовъ былъ его наставникомъ и руководителемъ. Ему онъ поручилъ, по смерти, свою жену. Лѣнивцовъ съ нею путешествовалъ за границу и померъ въ ея домѣ въ 1818 году. С. И. Плещеевъ обращался съ женою довольно странно: запрещалъ ей носить дорогія платья, возилъ ее по бѣднымъ и больнымъ, по трактирамъ и харчевнямъ. Наталья Ѳедотовна была любима императоромъ Павломъ Петровичемъ и императрицею Маріей Ѳедоровной. По возшествіи на престолъ, Павелъ Петровичъ наградилъ его деревнями, но послѣ прогнѣвался, выслалъ въ Москву, гдѣ онъ и жилъ до его смерти; однако выслалъ ему орденъ Іоанна Іерусалимскаго. По коронаціи, императоръ Павелъ Петровичъ поручилъ ему раздачу денегъ бѣднымъ. Въ это время случилось нещастіе: было задавлено до 8 человѣкъ. Плещеевъ принялъ предъ Государемъ всю отвѣтственность на себя. Государь простилъ его, когда сказалъ: „Сибири мнѣ мало. Я наказанъ болѣе, нежели сколько наказать можно".

*

1848 года Ноября 7.

Былъ у Сергія Дмитріевича Полторацкаго. Онъ показывалъ мнѣ четыре книжки, въ рукописи, о Русской библіографіи. Планъ хорошъ; но, увы! когда будетъ исполненъ?—Ѣздили съ нимъ къ П. И. Савваитову за вѣдомостями Петровскихъ временъ; взялъ С. Д. Полторацкій ихъ на просмотръ. Савваитовъ угощалъ насъ хересомъ съ чернымъ хлѣбомъ.—Съ Полторацкимъ горевали о Безсоновѣ: умеръ бѣдный—одинъ, 22 Іюня 1848 года. Полторацкій въ негодованіи на докторовъ. Воля Божія буди надъ всѣми! Полторацкій по новой системѣ возобновилъ свою библіографію Русскую; и гдѣ же? въ Берлинѣ. О, Русская земля! Какъ будто простора нѣтъ въ тебѣ! Меня его Авчурино сводитъ съ ума: увижу ли его когда? Что за библіотека? Сбирали люди толковые чуть не столѣтіе. Кому-то Авчуринская библіотека достанется? [14]) Видѣлъ

[14]) Большая ея часть пріобрѣтена А. И. Кошелевымъ и пожертвована въ Московскій Публичный Музей. *П. Б.*

его сына и двухъ дочерей: пошли имъ, Боже, счастіе, только повеселѣе отцовскаго! Труженикъ Божій! Будетъ ли онъ когда утѣшенъ?

Съ С. Д. Полторацкимъ познакомилъ меня В. А. Соллогубъ. Вотъ ужъ лѣтъ восемь знаю его: онъ все тотъ же; все преданъ своей библіографіи; все также сбираетъ, сбираетъ и сбираетъ. Ненасытимой человѣкъ! Одного простить ему не могу: онъ не любитъ рукописей, не вѣритъ Нестору, смѣется надъ Словомъ о полку Игоревомъ; вдругъ три вины. За то обожаетъ своего Вольтера, своему идолу готовитъ памятникъ—библіографію всего того, что переведено на Русскій языкъ изъ сочиненій Вольтера.

С. Д. Полторацкій служилъ въ арміи; былъ адъютантомъ Храповицкаго, когда сей стоялъ съ дивизіей въ Тулѣ. Я тогда не зналъ его; слыхалъ лишь только, что онъ сбираетъ календари и газеты, что въ Тулѣ книгопродавецъ Титовъ дѣйствительно сбиралъ для него. Былъ друженъ съ Н. А. Полевымъ, и знакомство было не пустое; а была ли дружба — не знаю. О другихъ знакомыхъ его ничего сказать (не могу) — ихъ такъ много, что едвали онъ можетъ самъ разсчитать. Былъ у него одинъ другъ, И. А. Безсоновъ. Есть ли кто другой въ замѣну? Едвали.

Говорили мы съ нимъ на поѣздѣ къ Савваитову, что надобно вести Записки. Боже мой! Сколько бы такихъ книгъ я могъ написать, какъ эта книга! Все упущено; другое забыто; третье вспоминаю какъ сонъ. Все мнѣ дано, кромѣ времени и денегъ; за то утѣшаюсь однимъ: не грабилъ.

Полторацкій росту средняго, худощавъ, некрасивъ собою,—но лице доброе, кроткое; волосы уже начали сѣдѣть. Можетъ быть, въ молодости онъ и былъ красавцемъ. Черта отъ природы — давай сейчасъ; торопливъ и проворенъ, когда дѣло идетъ о библіографіи; не знаетъ затрудненій другихъ—можно ли, не можно ли. Едва скажи слово—такъ гдѣ, что, скорѣй! И едвали это не происходитъ отъ тысячи неудачъ въ его жизни. А сколько разъ бывалъ онъ за границей! Помню, какъ онъ однажды возвратился и сказалъ, что только за границей онъ могъ вылѣчиться отъ геморроя. Быть за границей—болѣзнь нашего времени. Я, я едвали поѣду. Да и зачѣмъ мнѣ, разъ въ жизни сдѣлавшему неисправимую ошибку въ своемъ выборѣ—быть медикомъ. Несчастная была та минута, когда я рѣшился на этотъ выборъ; грустно вспоминать эту минуту чрезъ 18 лѣтъ. „Вотъ,—говоритъ Полторацкій,—я фабрикантъ, вы докторъ, а болѣзнь наша библіографія. Природа назначила одно, а мы идемъ по другому пути“. Что правда, то правда. Борись съ судьбой. Да дѣйствительно ли судьба назначила намъ то, что мы сами предпочли? Не мечту ли мы свою лелѣемъ?

*

1852 Апрѣля 4.

Мысль о мѣстѣ погребенія князя Димитрія Михайловича Пожарскаго занимаетъ всѣхъ, — и когда же? въ 1852 году. Вѣрныхъ основныхъ данныхъ о мѣстѣ погребенія не знаю; и всѣ соображенія объ этомъ, всѣ догадки мнѣ кажутся сомнительными, невѣроятными. Мнѣніе митрополита Евгенія, выраженное въ письмѣ, напечатанномъ въ Москвитянинѣ, основано на показаніи Голикова (Дополн. къ Дѣян. Петра Вел. т. II). Спиридовъ въ своей родословной помѣстилъ едвали не весь формуляръ кн. Пожарскаго; но все у него безъ указанія

источниковъ. Его показаніе, что на погребеніи кн. Пожарскаго былъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, меня удивляетъ: откуда это взято? Указаніе А. Ѳ. Малиновскаго о погребеніи его въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ основано на пропавшемъ разбитомъ камнѣ. Предполагаютъ, что онъ погребенъ тамъ съ сыномъ и внуками. За то знаемъ, что дѣдъ его Ѳедоръ погребенъ въ Троицкой лаврѣ; онъ умеръ 1580 года; съ нимъ погребена и его жена, княгиня Мавра, умершая 1615 года. Гдѣ схороненъ отецъ его, Михаилъ Ѳедоровичъ? Гдѣ мать его?

А сколько указаній о мѣстѣ погребенія кн. Пожарскаго?

1. Въ *Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ*. Едва-ли не первый А. Ѳ. Малиновскій писалъ объ этомъ. Коммиссія, составленная изъ членовъ М. П. Погодина, графа Д. Н. Толстова, К. И. Арсеньева, въ пользу этого предположенія исчислила 14 доказательствъ. Противъ этого писалъ одинъ только митрополитъ Евгеній, въ письмѣ къ архимандриту (Москвит. 1843, № 12).

2. *Пурихъ*. Н. В. Елагинъ писалъ (см. Память о князѣ Дмитріи Михайловичѣ Пожарскомъ. Спб. 1842): „Послѣдніе дни своей прекрасной жизни онъ провелъ, кажется, въ уединеніи въ Пурецкой волости; Нижегородской губерніи въ Балахнинскомъ уѣздѣ, близъ Пуриха, въ сельцѣ Юрьевѣ, еще до сихъ поръ видны основанія палатъ Пожарскаго“. Елагинъ исчислилъ вклады кн. Петра Дмитріевича Пожарскаго въ церковь села Пурихъ, въ храмъ Преображенія Господня.

3. *Юрино* — деревня, находящаяся въ Балахнинскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ Пуриха и въ 6 отъ Бурцева. Здѣсь были двѣ деревянныя церкви; здѣсь, говорятъ, былъ и домъ князя Пожарскаго. Поселяне говорятъ, что здѣсь жилъ, умеръ и погребенъ князь Д. М. Пожарскій. Въ недавнее время будто сохранялся надгробный памятникъ съ надписью, брошенный въ воду пруда, называемаго Княжескимъ. Юрино принадлежало къ Жарской волости.

4. *Троицкая Сергіева Лавра*. Представителемъ этого мнѣнія былъ Иванчинъ-Писаревъ. Здѣсь погребенъ былъ дѣдъ князя Пожарскаго и бабка. Въ самой лаврѣ разсказы о погребеніи здѣсь князя Д. М. Пожарскаго возобновились или, вѣрнѣе, начались въ послѣднее время. Это мнѣніе для своей опоры не имѣетъ памятниковъ археологическихъ и историческихъ.

5. *Суховатово* — село; находится Нижегородской губерніи Балахнинскаго уѣзда, въ 8 верстахъ по дорогѣ въ Жары—въ волости Жарской.

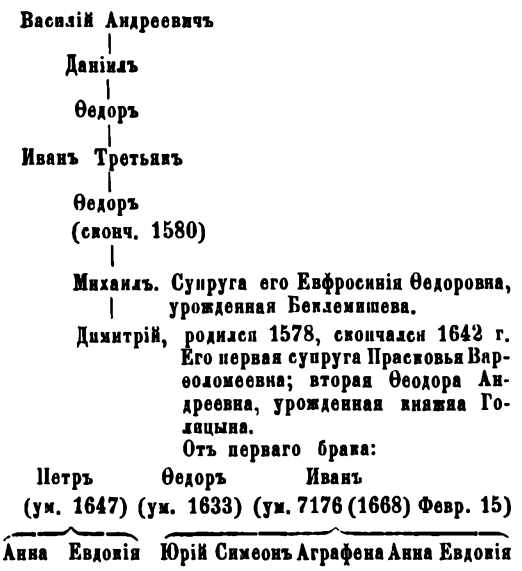
Мнѣніе народное въ Балахнѣ (см. Путевыя Зап. Погодина, напечатанныя въ Москвитянинѣ 1841 г. № 11, стр. 240).

О службѣ Пожарскаго подъ Калугою 1668 года и рѣчь ему подъ Калугою, см. Москвит. 1841 г. № 3, стр. 112—114.

Родословная Пожарскихъ.

Родоначальникомъ князей Пожарскихъ, по родословной книгѣ, считается кн. Василій Андреевичъ, происходившій отъ кн. Всеволода Юрьевича. Кн. Иванъ Всеволодовичъ, сынъ его, получившій (въ) удѣлъ Стародубъ-Ряполовскій, что нынѣ Клязьмское городище Владимірской губерніи, былъ родоначальникомъ князей Стародубовскихъ. Отъ князя Андрея Стародубовскаго пошли уже Пожар-

скіе, получившіе прозваніе отъ г. Погарь, называвшагося Радогостъ.

Петръ Дмитріевичъ скончался стольникомъ. Имѣлъ въ супружествѣ Марѳу, неизвѣстную намъ по отцѣ; но на вкладныхъ надписяхъ (Крестъ и Евангеліе въ селѣ Пурихѣ) названа: Настасья Григорьевна. У нихъ были двѣ дочери: 1. *Анна*, выданная въ 1653 году за стольника кн. Аѳанасія Ѳедоровича Репнина; а по смерти его вышла за боярина Ивана Андреевича Милославскаго; скончалась 1669 года, бездѣтна. 2. *Евдокія*, выданная въ 1661 году за стольника Ивана Васильевича Шереметева; послѣ смерти его вышла за князя Юрья Алексѣевича Долгорукова; отъ этого мужа она имѣла сына Михаила Юрьевича. Евдокія скончалась 1680 года и погребена въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ.

Ѳедоръ Дмитріевичъ скончался стольникомъ 1633 года, бездѣтнымъ.

Иванъ Дмитріевичъ скончался стольникомъ 1668 года. Супругой его была Парасковья Михайловна, неизвѣстная намъ по отцѣ. У нихъ были дѣти: 1. *Юрій*, скончавшійся стольникомъ 1685 года; бездѣтенъ. 2. *Симеонъ*, скончавшійся 1659 года; бездѣтенъ (Симеонъ Ивановичъ съ 1647 года, по Берху, окольничій). 3. *Аграфена*, выданная въ 1669 году за князя Дмитрія Алексѣевича Голицына; двѣ ея дочери: Мавра была за стольникомъ кн. Михаиломъ Ивановичемъ Куракинымъ; Парасковья—за фельдмаршаломъ Репнинымъ; скончалась 4 Января 1703 года. 4. *Анна*, выданная въ 1672 году за кн. Юрья Даниловича Велико-Гагина; бездѣтна. 5. *Евдокія*, выданная за кн. Михаила Олегуковича Черкасскаго.

Мѣстничества Пожарскихъ.

1. 1602 г. Мѣстничался князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій съ княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ за свою мать. Судъ оконченъ былъ въ пользу Пожарскаго.

2. 1609 г. Мѣстничался съ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ. Судъ неизвѣстно чѣмъ окончился.

Примѣч. Дѣло объ этихъ двухъ мѣстничествахъ напечатано въ *Сборникѣ Московскаго Истории. Общества*. т. II стр. 266. Въ *Сборникѣ Муханова* (№ 93, стр. 150—168).

3. 1609 г. на Пожарскаго билъ челомъ въ отечествѣ Иванъ Михайловъ Пушкинъ.—Судъ неизвѣстенъ; упоминается только въ дѣлѣ Лыкова. Въ дѣлѣ 1613 г. сказано: „и судъ по-ся мѣстъ не вершенъ“. Его вспомнили и въ судѣ съ Салтыковымъ.

4. 1613 г. При пожалованіи Пожарскаго въ бояре, велѣно сказать ему боярство думному дворянину Гаврилу Григорьевичу Пушкину; но Пуш-

кинъ въ отечествѣ билъ челомъ на Пожарскаго. Государь приказалъ быть безъ мѣстъ и челобитье отставить.

Примѣч. *Замѣчательные случаи по мѣстничеству*. М. 1848, стр. 1.

5. 1613 г. Съ бояриномъ княземъ Борисомъ Михайловичемъ Салтыковымъ. Пожарскаго обвинили за то, что онъ не хотѣлъ сказывать боярство Салтыкову—выдали головою.

См. *Москвит.* 1846 г. № 6. *Замѣчат. случаи*, стр. 2 и 3.

6. 1619 г. Пожарскій назначенъ былъ въ первую встрѣчу встрѣчать въ Можайскѣ митрополита Филарета. Съ нимъ тогда мѣстничали: окольничій Ѳедоръ Леонтьевичъ Бутурлинъ и думный дворянинъ Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ. Обоимъ отказано: велѣно быть безъ мѣстъ.

См. *Замѣчат. случаи*, стр. 20.

7. 1622 г. Пожарскій назначенъ былъ 14 Марта на царской обѣдъ съ бояриномъ княземъ Юрьемъ Елисеевичемъ Сушелевымъ. Пожарскій билъ челомъ государю, что князь Григорій Ромодановскій его родственникъ, на Сушелева, и Пожарскій опасается, чтобы ему въ томъ его отечеству не было порухи. Сказано: князь Ромодановскій билъ не дѣломъ, и за то ему отказано. И Пожарскій былъ подъ княземъ Юрьемъ.

См. *Замѣчат. случаи*, стр. 26.

8. 1632 г. Пожарскій назначенъ былъ на службу подъ Смоленскъ. Въ судьяхъ у Нѣмецъ назначенъ Василій Васильевичъ Волынскій и докладывать о дѣлахъ Шеину и Пожарскому. Волынскій билъ челомъ въ отечествѣ на Пожарскаго. По суду велѣно Волынскому докладывать одному Шеину.

См. *Замѣчат. случаи*, стр. 34.

9. 1634 г. Въ Можайскъ была прислана грамата къ воеводамъ кн. Дм. М. Черкаскому и кн. Дм. Мих. Пожарскому: велѣно было имъ послать изъ Можайска въ Боровскъ въ сходъ Бориса Григорьева Сулемшина-Пушкина. Противъ этого назначенія Пушкинъ билъ челомъ, что онъ можетъ быть на службѣ съ однимъ кн. Черкаскимъ, но никакъ не съ Пожарскимъ. Въ 1635 году Апрѣля 12 Пушкинъ былъ обвиненъ, а Пожарскій оправленъ.

См. *Замѣчат. случаи*, стр. 35—38.

10. 1618 г. Во время болѣзни Пожарскаго въ Калугѣ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ къ нему стольника Юрія Татищева съ милостивымъ словомъ и узнать о его здоровьѣ. Татищевъ по должностямъ считалъ себя знатнѣе предковъ Пожарскаго и отказался отъ исполненія порученія. На судѣ Татищева нашли виноватымъ, высѣкли кнутомъ и выдали головою Пожарскому.

См. *Описаніе государственнаго разряднаго архива*. М. 1842, стр. 337.

11. 1618 г. Когда Пожарскій былъ назначенъ въ Калугу на службу, съ нимъ назначенъ былъ Иванъ Александровичъ Колтовской. На это назначеніе Колтовской билъ челомъ и сказалъ, что ему быть невмѣстно съ Пожарскимъ. Сынъ кн. Д. М., князь Петръ вступился за отца и билъ челомъ государю на Колтовскаго — въ безчестьи дать оборону. На судѣ Колтовскаго обвинили, посадили въ тюрьму и послѣ отправили въ Калугу на службу съ Пожарскимъ.

См. *Описаніе государств. разрядн. архива*, стр. 339. *Москвит.* 1841 г. № 11, стр. 129.

12. 1627 г. На отпускѣ Кизылбашскихъ купчинъ, сыновья кн. Пожар-

ского Петръ и Ѳедоръ назначены были рындами вмѣстѣ съ дѣтьми кн. Волконскаго Ѳедоромъ и Петромъ. Ѳедоръ и Петръ Волконскіе отказались стоять съ Петромъ и Ѳедоромъ Пожарскими подъ тѣмъ предлогомъ, что на отца ихъ (кн. Д. М. Пожарскаго) билъ челомъ государю въ отечествѣ Гаврило Пушкинъ. На судѣ обвинили Волконскихъ.

См. *Москвит.* 1841 г. № 11, стр. 131.

Ѳедоръ Ивановичъ Третьякъ-Пожарскій въ 1556 году былъ въ Свіяжскѣ городничимъ. Лыковъ на судѣ говорилъ: „городничій вездѣ бываетъ во всѣхъ городѣхъ меньши всѣхъ меньшихъ воеводъ въ росписи, не токма что большихъ воеводъ". Дм. Мих. Пожарскій говорилъ: „дѣдъ мой князь Ѳедоръ Ивановичъ Пожарскій посланъ въ Казань въ вашей, государевой, опалѣ; а того не бывало, чтобъ и дѣдъ мой былъ въ городничихъ.... А хотя бы, по грѣху нашему, въ тѣхъ годѣхъ дѣдъ мой или которой родитель Пожарской и былъ въ государевѣ опалѣ въ городничихъ, и повиненъ ино большому воеводѣ, а не другому... Въ береговомъ розрядѣ дѣдъ мой нигдѣ не бывалъ: потому что былъ въ государевыхъ опалахъ, сосланъ былъ на низъ; а по городамъ на годовыхъ службахъ дѣдъ мой и дядья мои въ воеводахъ во многихъ мѣстѣхъ бывали, а въ меньшихъ, съ кѣмъ невмѣстно быть, не бывали".

Окольничій Ѳедоръ Леонтьевичъ Бутурлинъ въ спорѣ съ кн. Д. М. Пожарскимъ говорилъ, что дѣдъ его былъ губнымъ старостою: „клалъ Ѳедоръ предъ бояръ грамату, что дѣдъ княжь Дмитріевъ былъ губной староста".

У Ѳедора былъ домъ въ Москвѣ на Арбатѣ, сгорѣвшій въ 1560 году. См. *Карамз.* Ист. Гос. Росс. т. VIII. прим. 586.

*

1852 года Апрѣля 6.

Былъ у меня А. Н. Никитинъ. Сказывалъ новости, что д-ру Громову готовится въ Сентябрѣ юбилей; будто Громовъ помѣшалъ Никитину въ распространеніи судебной медицины, соч. Генке. Медицинская конференція заступилась за Громова, и сей послѣдній тогда же обѣщался выдать вскорѣ свое сочиненіе. Разсказывалъ онъ же, какъ Елеазаръ Никитичъ Смѣльскій получилъ награду отъ Виллье и какъ послѣ правитель канцеляріи В. С. Сахаровъ удалилъ Смѣльскаго отъ Виллье. Не знаю, кто кому изъ нихъ болѣе надѣлалъ вреда. Виллье всегда былъ скупъ; но подарокъ его Смѣльскому удивилъ всѣхъ. Елеазаръ Никитичъ разсказывалъ, что Виллье за то подарилъ ему 30 тысячь рублей серебромъ, что онъ всегда въ болѣзни Виллье ходилъ какъ нянька, поилъ и кормилъ изъ рукъ своихъ, ночи не спалъ и по мѣсяцамъ не отходилъ отъ него.

Труженикъ А. Н. Никитинъ—сколько онъ издалъ переводовъ и сочиненій! На вопросъ мой: сколько выдано имъ? отвѣчалъ: послѣднее было выдано имъ двадцать третье. А живетъ въ нуждѣ; запасовъ, видно, нѣтъ. Семья много у него повытаскала денегъ.

VI.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССІИ ВЪ 1858 ГОДУ.

Я давно желалъ посмотрѣть на Русскую жизнь въ сѣверныхъ губерніяхъ, сравнить здѣсь Русскій бытъ

съ за-Московными мѣстами. Первымъ моимъ желаніемъ было узнать: что сохранилось здѣсь изъ старой Русской жизни; тѣ ли самыя здѣсь народныя преданія и вѣрованія, или другія, мною неслыханныя; промѣнялъ ли здѣсь Русскій человѣкъ свою старую жизнь, свои вѣковѣчныя вѣрованія, и на чемъ остановились его порывы въ новомъ движеніи?

Прежде всего я обратился на старое мѣсто. Мнѣ хотѣлось видѣть еще разъ то, что въ юности привлекало меня; хотѣлось видѣть на дѣлѣ: правда ли, что старая, неподвижная Русь измѣнилась; правда ли, что новые вопросы изъ современной жизни заставили забыть старую жизнь; по плечу ли пришлись Русскому молодцу новыя явленія нашей жизни?

Послѣ двадцатипятилѣтняго обозрѣнія за-Московскихъ губерній, я замѣтилъ нынѣ, что въ Русской жизни совершилось быстрое измѣненіе. Въ селеніяхъ, лежащихъ около торговыхъ путей, измѣненія очевиднѣе, рѣзче выступили на видъ; но въ дали, въ глуши, старая жизнь осталась безъ движенія, безъ измѣненія, въ прежнемъ усыпленіи. Вблизи большихъ дорогъ народныя преданія почти исчезли, и о народныхъ вѣрованіяхъ тамъ уже не вспоминаютъ, какъ будто здѣсь ихъ никогда не существовало. Здѣсь новыя поколѣнія пошли другимъ путемъ: жизнь ихъ сблизилась съ граматой, съ новыми ремеслами, съ новыми потребностями, доселѣ неизвѣстными, съ новыми пожеланіями, о которыхъ отцы ихъ никогда и не помышляли. Жажда къ фабричности, къ промышленности, ревность къ бродящей торговлѣ, быстрая подвижность на другія, новыя мѣста вызвали Русскаго человѣка на подвиги небывалые, на дѣло ума, соображенія, на любовь и охоту къ новымъ знаніямъ. Когда и кому здѣсь думать о старыхъ преданіяхъ? Да и на что они ему теперь? Въ этомъ новомъ движеніи видишь въ лицахъ старую былину Ильи Муромца. Здѣсь такъ и видишь, какъ этотъ великанъ встаетъ отъ своего усыпленія; встаетъ старый сидѣнь Илья Муромецъ и смотритъ на Русь: здѣсь живетъ тотъ же Русскій человѣкъ, та же здѣсь и Русская жизнь; но уже не та Русская жизнь въ думахъ и помыслахъ; на умѣ и на дѣлѣ жизнь быстрая такъ и просится впередъ, жизнь безъ оглядки назадъ, но съ новыми требованіями. За то степенный родовичъ не думаетъ объ одномъ дѣлѣ по сту лѣтъ, какъ бывало встарь. Этому родовичу на родимой сторонѣ становится тѣсно; онъ самъ начинаетъ сознавать, что они (?) его ничему не учатъ, ни съ чѣмъ не знакомятъ. И пошелъ нашъ старый Илья Муромецъ впередъ. Идя путемъ и дорогою, онъ невольно оставляетъ жизнь старую, мѣняетъ старый кафтанъ на новый, смотритъ на новыя дивы во очію, что прошлое дѣло было не такъ, что есть впереди много, чего ни отцы, ни дѣды ихъ не знали. А вѣдь дорогому дѣлу не грѣхъ поучиться. И видитъ старый Илья, что молодые молодцы на чужбинѣ дѣлаютъ всякое дѣло по новому, а не по старому, съ отчетомъ, и нѣтъ въ дѣлѣ слова *авось*.

Въ перерожденіи Русской жизни еще не совершился, не выработался любимецъ нашего времени — прогрессъ; но новое перерожденіе явно, этотъ фактъ неопровержимый на дѣлѣ неподвижности. Вѣчно-сидячій Русскій человѣкъ самъ сознаетъ, что старая жизнь его ничего не выработала;

самъ, безъ чужаго домышленія, дознался, что новая жизнь словомъ и дѣломъ умнѣе въ исполненіи. Обдумалъ ли онъ вѣрно и обсудилъ ли онъ вѣрно свое перерожденіе? Къ добру ли, къ худу ли проявилось это сознаніе его силъ душевныхъ? Съ толкомъ ли, или безъ толка открылась въ немъ готовность къ движенію? На эти вопросы еще очень рано сказать что нибудь новаго, положительнаго, опредѣленнаго. Одно только осталось въ Русскомъ человѣкѣ безъ всякаго движенія впередъ: это вѣра православная, вѣра отцевъ его и дѣдовъ; только ее одну оставилъ вѣчно, неподвижно для себя, пока въ мірѣ будетъ существовать *Русская жизнь*.

Таковыя новыя впечатлѣнія остались во мнѣ послѣ вторичнаго обозрѣнія за-Московныхъ губерній. Укажу примѣры на перерожденіе *Русской* сельской жизни: въ изученіи Русской граматы, въ проявленіи промышленности, ремесленности и торговли, какъ на главные предметы, оказавшіе стремленіе къ движенію.

*

Въ одномъ селеніи, въ 120 верстахъ отъ Москвы, встрѣчаю толпу дѣвокъ, поющихъ водевильные куплеты П. С. Ѳедорова. Безъ страха и теперь не могу вспомнить гулъ и ревъ этого водевильнаго пѣнія. Невольно спросилъ дѣвокъ: что это вы поете? Кто васъ обучилъ этой мудрости? И мнѣ показываютъ старый, оборванный водевиль, занесенный ходебщиками изъ Москвы.

— Старыя пѣсни и дѣвичьи хороводы теперь не въ модѣ, — говорилъ мнѣ дворовый человѣкъ съ гармоникой въ рукѣ.

„Да за чѣмъ же вы съ присядкою поете водевильные куплеты? Вѣдь это не плясовая пѣсня“.

— Наши дѣвки безъ пляски ничего не могутъ пѣть.

Вотъ тебѣ и Русская народность! Хороши и молодцы, промыслившіе себѣ новый бытъ. Неужели это прогрессъ? Развѣ гармоника, замѣнившая балалайку, есть шагъ впередъ?

Въ другомъ селеніи я видѣлъ плоды граматности еще великолѣпнѣе: зимою въ одной избѣ сидѣли ребяты и дѣвки на посидѣлкахъ. Одинъ бойкій юноша читалъ въ слухъ книгу, а вокругъ него сидѣли и слушали другіе со вниманіемъ. Что же читалъ этотъ юноша? Страшно сказать: „Похожденіе купеческаго сына, или поросенокъ въ мѣшкѣ“—одно изъ Московскихъ изданій Никольской улицы.

Въ другой избѣ сидѣлъ кузнецъ и читалъ старикамъ и молодымъ книгу: „о разведеніи шелковичныхъ деревъ и добываніи шелка“.

„Да, полно правда ли это? Да, можетъ ли это быть на самомъ дѣлѣ? Да, отъ чего же у насъ сидитъ всяка птица на деревахъ, а шелку все таки нѣтъ?“

Кузнецъ клялся и божился, что самъ видѣлъ въ Москвѣ, за Сухаревой башней, какъ растутъ на огородѣ шелковичныя деревья; какъ черви ѣдятъ листы съ этого дерева; какъ съ этого яства сами черви плетутъ куколки; какъ Нѣмецъ изъ этой куколки свивалъ шелковину.

—Нѣтъ, братъ Никита: или лѣшій отвелъ тебѣ глаза и морочилъ тебя, какъ дурака; или это дѣло Нѣмецкое, не нашего брата. Ты привези-ка съ Москвы Русскую книгу про Русское дѣло, да и прочти намъ, что уста-

вили умные люди для добраго дѣла, въ поученье. Помнишь ли ты, какъ читалъ отецъ Василій листы о посѣвѣ пшеницы. Мы всѣ поняли, что сѣять пшеницу по новому—хорошее дѣло, и бросили старый урядъ.

Въ этомъ стремленіи Русскаго человѣка читать книги не видимъ и слѣдовъ начала умственнаго образованія. Во всемъ этомъ видимъ, что Русскій человѣкъ еще только учится читать грамату; ищетъ чего-то ощупью, по чутью; готовъ для добраго дѣла мѣнять старыя привычки. Онъ бы и не прочь отъ чтенія, да не знаетъ, что̀ читать ему нужно. Московская Никольская улица, просвѣтительница поселянъ, посылаетъ въ деревни глупѣйшіе романы, товаръ копѣечный, соръ и дрянь. Какой же толкъ воплотится въ голову стараго Ильи Муромца, ищущаго свѣта и опытной науки для жизни? Неужели и это прогрессъ?

Одна промышленность крѣпко полюбилась старому Ильѣ Муромцу. Только ради ея, родимой кормилицы, оставилъ онъ старую жизнь и промѣнялъ свою соху и топоръ, безъ ропота, безъ всякаго приказанія, на станокъ, и съ поля перешелъ на фабрику. Здѣсь уже дѣло приняло другой видъ; здѣсь прогрессъ во всемъ ходу; здѣсь промышленность, ремесленность и торговля остановились на новомъ бойкомъ ладу и далеко опередили запоздалыхъ и отсталыхъ уѣздныхъ горожанъ, трутней въ новомъ быту. Вотъ указаніе на это перерожденіе.

Въ одномъ селеніи, на берегу Оки, въ томъ самомъ селеніи, гдѣ въ 1825 году видѣлъ я, какъ крестьяне топили ночью лошадь, для умилостивленія водянаго дѣдушки, нашелъ въ 1857 году Русскихъ людей за станками, обработывающихъ шелковыя матеріи, на свой счетъ, знакомыхъ вполнѣ съ Жекардовымъ изобрѣтеніемъ, умѣющихъ здраво судить о достоинствѣ шелка и повимающихъ требованія богатыхъ людей отъ ихъ издѣлій.

„По плечу вамъ эта работа, ребятушки? Сами ли собой домыслили это новое дѣло, или кто другой наставилъ васъ—съ умомъ и толкомъ?“

— Пришлась намъ эта работа по сердцу: отъ ней мы теперь сыты, одѣты, и деньжонки есть про запасъ. Старая соха своей работой спасала насъ только отъ голоду, а топоръ отъ морозу. Спасибо матушкѣ Москвѣ! Она одна научила насъ уму-разуму.

„Неужели вы не боитесь заморскихъ издѣлій, товара ходоваго, лучше вашего? Новый тарифъ, говорятъ добрые люди, скоро отопретъ широкіе ворота въ Русскую землю.“

—Да, что̀ намъ тарифъ сдѣлаетъ? Заморскіе люди работаютъ свое, а мы будемъ свое. Ихъ работа для князей и бояръ, а наша для своей братіи. Какъ будемъ стараться, да глядѣть пристально на свое дѣло, не зря, не на авось, такъ и наши товары пойдутъ въ ходъ.

„Вотъ что̀, братцы скажу вамъ: Нѣмцы навезли къ намъ много полотенъ, такъ много, что Русскаго холста не хочетъ никто и покупать. Не было бы того же и съ вашими матеріями?“

—Это все испортили Московцы да Владимірцы. Сломя голову бросились на хлопчатую бумагу; и ткутъ, и прядутъ: все изъ бумаги; а свой ленъ оставили въ завали. Только наши сосѣди, Хлудовы, начали ткать и прясть ленъ по заморскому. Эти молодцы

славно обдѣлываютъ свои дѣла. Что́ имъ сдѣлаетъ новый тарифъ? И мы какъ будемъ умно дѣлать, такъ и намъ тарифъ будетъ ни по чемъ.

„Смотрите, ребята: ваша работа требуетъ большаго старанья да крѣпкаго ума. Вамъ надобно учиться долго и много.“

—Мы учиться рады всей душой. Московскіе фабриканты сами не свычны къ этой работѣ; а гдѣ есть Нѣмцы съ Англичанами, тѣ на насъ и не смотрятъ и прочь гонятъ. Хотя бы ты, родимой, указалъ на книжку: какъ Нѣмцы-то работаютъ? Отъ чего они лучше насъ работаютъ? Отъ чего богатые люди охотно покупаютъ заморскую работу? Мы рады бы почитать умную книгу: вѣдь то дѣло доброе, полезное; назадъ намъ къ сохѣ не ворочаться.

На это требованіе поселянъ я не могъ указать имъ ни одной книги въ руководство, да и наши технологическія каѳедры отъ своихъ общихъ теорій не успѣли еще выработать для простаго народа такого ученія. Русская технологія и Русская химія далеко остались назади. Успѣли состряпать только одни общія начала; цѣлое столѣтіе поютъ на одинъ ладъ, то о теплотворѣ, то о водотворѣ, то о тягучести. Простому народу нечего и заглядывать въ ихъ аудиторіи и лабораторіи.

Крестьяне стояли на своемъ желаніи. Говорю имъ: „Дѣланью шелковыхъ матерій надобно учиться у однихъ Французовъ; Нѣмцы и Англичане до этого дѣла не успѣли дойти съ толкомъ. Вамъ бы поучиться на фабрикахъ Рошфора и Гучкова, побывать на плисовыхъ фабрикахъ Волкова и бумажныхъ Лепешкина. Товары тамъ добрые. Многому тамъ можете научиться лучше всякой книги“. Старые мои знакомые качали головами и твердили одно:

—Нѣтъ, это все не то! На этихъ фабрикахъ ребята наши живали по два и по три года, а заморскаго ученья не вынесли оттуда. Горькое горе крушитъ намъ головы. Помоги хоть ты, родимый, словомъ ласковымъ; поучи наши головы уму-разуму. Въ кабалу пойдемъ хоть къ Нѣмцу, хоть къ Татарину; лишь бы только не остаться на старомъ дѣлѣ. Сами видимъ, что дѣло нейдетъ впередъ; да и не хочется быть въ остудѣ (sic) отъ Нѣмцевъ.

Вотъ здѣсь явно совершился прогрессъ. Здѣсь Русское сердце отъ сознанія науки такъ и рвется на просторъ, на дѣло умное. Какое сердце удержится отъ слезъ отъ широкаго Русскаго порыва, готоваго идти въ кабалу хоть и къ Нѣмцу, хоть къ Татарину, лишь бы выработать наукою дѣдо искусства, дѣло умѣнья!

„А что, пріятель, топите ли вы нынѣ коня въ полночь для усмиренія своего грознаго Водянаго“?

—И, что́ ты, родимый, воспоминаешь про коня нашъ старый позоръ. Это дѣло было нашихъ старыхъ стариковъ. Мы люди не того покроя; мы не то и на умѣ держимъ.

„Да вотъ этотъ старинушка, что́ сидитъ въ уголкѣ: вѣдь онъ бывалъ же на этой травлѣ. Спросите-ка его“?

—Да, отъ этихъ продѣлокъ съ Водянымъ,—говорили они,—не нажили наши старики ни ума, ни разума бойкаго, ни хлѣба бѣлаго, ни дѣла умнаго.

А давно ли было то время, что эти люди прятались отъ всякой новой мысли, отъ всякаго новаго дѣла? Давно

ли было, что здѣсь Русскій человѣкъ жилъ самъ собой, безъ всякаго помысла, безъ всякаго взгляда на добро въ Божьемъ мірѣ? Отъ чего же онъ теперь вдругъ встосковался объ наукѣ, бросилъ безлюдье старой жизни? Отъ чего онъ теперь отвергъ и чертей, и вѣдьмъ, и колдуновъ, и ворожей? Вѣдь онъ тотъ же Русскій человѣкъ, и душой и тѣломъ, не потурчился, не онѣмечился, живетъ на родной своей землѣ, не иноземничаетъ на чужой сторонѣ.

Въ одномъ селеніи, лежащемъ на берегу Волги, я встрѣтилъ удивительное перерожденіе Русской жизни. Вся жизнь крестьянъ этого села проходила на берегахъ Волги, въ страшномъ, изнурительномъ трудѣ—въ перетягиваніи барокъ съ грузомъ противъ теченія воды. Теперь тѣ же барки идутъ по прежнему Волжскимъ путемъ, но крестьяне сидятъ спокойно въ своихъ избахъ, за другою работой, сыты, бодры,—довольство во всемъ. Другіе люди изъ далека смѣнили ихъ отъ прежней работы. Въ этомъ селѣ теперь болѣе 500 человѣкъ занимаются издѣліемъ серегъ, колецъ, перстней, крестовъ, булавокъ. Съ взрослыми людьми трудятся вмѣстѣ женщины и дѣти. Дешевизна ихъ издѣлій изумительна до чрезвычайности и превышаетъ всякое вѣроятіе: что тамъ стоитъ 5-10 коп. сер., продается въ Московскихъ и Петербургскихъ магазинахъ отъ 2 до 5 рублей серебромъ; продается дорого, безъ зазрѣнія совѣсти, за заморское. Русскій купецъ любитъ часто прихвастнуть кстати и не кстати: въ магазинѣ-де его товары все выписные, заморскіе. Нечего грѣха таить, что въ торговыхъ слояхъ Русской жизни совѣсть нерѣдко бываетъ коротенька. Изъ всего перерожденія удержались прочно старая ложь и усовершенствованный обманъ; эти стародавніе пріятели воплотились въ его плоть и кровь. Безъ лжи онъ рѣдко словечко скажетъ, безъ обмана онъ замретъ въ торговлѣ. Если самому стыдно, то вѣрно есть подставной прикащикъ для похвальбы и ланья, безъ сознанія.

Лѣтъ 20 тому назадъ, это селеніе было бѣдное изъ бѣдныхъ; среди его бродили люди тощіе и бѣдные, какъ привидѣнія. Избы лежали на бокахъ; дворы были пустые, безъ скота; на поляхъ ихъ не видно было и одной былинки изъ хлѣбовъ. А теперь у нихъ избы двухэтажныя; по улицамъ ѣздятъ на заводскихъ лошадяхъ, въ дрожкахъ; по праздникамъ рядятся въ шелковыя и бумажныя платья. Среди площади построены каменная церковь и школа, гдѣ 100 мальчиковъ обучаются Русской грамотѣ. И все это перерожденіе совершилось въ 20 лѣтъ—умомъ, трудами самихъ крестьянъ, безъ пособія. Вотъ исторія умнаго дѣла этого села.

Двое изъ крестьянъ, ученики заѣзжихъ Нѣмцевъ, одинъ изъ Москвы, другой изъ Питера, поселились въ этомъ селѣ и завели свои мастерскія. За ними другіе начали тоже дѣлать. Въ 20 лѣтъ все селеніе промѣняло гонку барокъ на ювелирство. Прежде они сами относили свои издѣлія въ Москву, а теперь купцы пріѣзжаютъ за покупкою вещей: одни закупаютъ все готовое, а другіе предлагаютъ имъ заказы по образцамъ и новымъ рисункамъ. Въ селѣ теперь болѣе третьей части жителей умѣетъ читать и писать. Для чтенія ходебщики заносятъ къ нимъ старые романы Московскаго толкучаго рынка. У одного зажиточнаго крестьянина сыновья выписываютъ Московскія Вѣ-

домости. Какъ бы необходимо было этимъ людямъ указать на техническіе способы золоченія, серебревія и бронзованія. Съ какимъ восторгомъ, съ какою радостію слушали они меня объ открытіи новаго аллюминія, добытаго умомъ и наукою, и о выдѣлкѣ изъ него разныхъ вещей! Не вѣрили моимъ словамъ, когда я имъ говорилъ, что въ Питерѣ Якоби открылъ новый способъ золоченія, выгодный, безопасный для здоровья. Когда я имъ показалъ десертную ложку и кольцо изъ аллюминія, солонку и ножницы, вызолоченныя по способу Якоби, то изумленіе ихъ было выше всякой мѣры. „Полноте, братцы, остановитесь отъ удивленія: вѣдь все это дѣло ума, опыта и науки. Заморскій человѣкъ силенъ и могучъ только умомъ да наукой. Васъ заѣзжіе купцы прославили великими мастерами, а вы и повѣрили имъ; какіе вы мастера, когда вы не умѣете золотить? Вы работники простые. Бросьте вашу ртуть; посмотрите, какъ вы трясетесь отъ вашего способа золоченія. Гдѣ ваше богатырское здоровье? Въ двадцать лѣтъ вы кажетесь всякому стариками“.

Въ тотъ же вечеръ собрались мужики и положили отправить въ Питеръ двухъ смышленыхъ молодцовъ учиться новому золоченію, на мірскія деньги закупить всякаго снаряду и припасу вдоволь.

Вотъ какъ выработался прогрессъ и, не останавливаясь на одномъ открытомъ пріемѣ, пошелъ далѣе впередъ. Здѣсь на первомъ планѣ явилось сознаніе внутреннихъ силъ; а нужда науки переселилась въ Русскую голову безъ всякихъ проповѣдей съ химическихъ и техническихъ каѳедръ.

Успѣхи Русскаго человѣка въ торговомъ дѣлѣ быстро выдвинулись впередъ, не остались на старой рутинѣ, въ вѣчной дремотѣ и усыпленіи. Юное поколѣніе легко промѣняло сидячую жизнь на быструю подвижность, на скитальчество отъ одного края Россіи до другаго. Многіе изъ насъ помнятъ подобное хожденіе по Россіи Венгерцовъ и Кроатовъ съ лѣкарствами, мыломъ и духами. Русскій человѣкъ быстро подмѣтилъ нужды народныя, легко умѣлъ составить планъ всеобъемлющей торговли компаніями и особнякомъ. Здѣсь онъ превзошелъ всякое ожиданіе; здѣсь прогрессъ явился на дѣлѣ, въ глазахъ всѣхъ; будущіе успѣхи его будутъ блистательны и великолѣпны на поприщѣ умнаго дѣла Россіи. Городскіе торговцы и наши ученые доселѣ не знаютъ, какъ крѣпко и стройно выросъ этотъ будущій гигантъ Русской торговли и что онъ теперь готовитъ для будущей Россіи.

Мы всѣ знали, что есть въ Россіи особый классъ людей, торгующихъ на копѣйки, ведущихъ торговлю изъ одного только куска насущнаго хлѣба, торговлю пустую, ничтожную, всѣми пренебрегаемую. Таково было наше старое повѣрье. Этотъ классъ людей издавна былъ извѣстенъ подъ разными названіями: *офеней*, *ходебщиковъ*, *булынниковъ*, *новоторовъ*, *варяговъ*, *коробочниковъ*, *кулаковъ*. Всѣ они были несчастные жильцы старой Руси, люди стараго поколѣнія, воспѣтые пѣснями, прославленные особымъ нарѣчіемъ, дѣйствовавшіе старыми пріемами въ мелочной, ничтожной торговлѣ. Все это повѣрье при насъ перешло въ исторію. Новое поколѣніе людей изъ этого круга шло путемъ прогресса, въ торговлѣ начало дѣйствовать общимъ капиталомъ, съ умомъ и смѣтливостію; мѣстомъ просвѣще-

нія его были Московскіе толкучіе рынки (Сухаревскій и Смоленскій до Новинскаго), Петербургскіе рынки (Апраксинъ дворъ, Большая Садовая и Сѣнная). Здѣсь онъ изучилъ всѣ толкучіе пріемы, мужалъ по часамъ отъ хитрости, практиковался между своей братіей на всей свободной торговлѣ, *покупленной* и *подпольной*. За стыдъ и униженіе это поколѣніе считаетъ поступить въ лавку купца, въ мальчики и сидѣльцы: это для него хуже невольническихъ галеръ. Его мысль напоена другимъ будущимъ блаженствомъ — торгомъ по всей Россіи и всѣми возможными товарами. Наживка 500 или болѣе рублей въ два-три года полагаетъ предѣлъ его толкучему ученію. Отсюда удаляется и переходитъ въ бродячую, компанейскую торговлю. Воспитанники этихъ рынковъ достигаютъ изумительной оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ; гибкость ихъ оборотовъ превышаетъ всякое вѣроятіе. По окончаніи толкучаго курса, въ этихъ людяхъ изъ старой природы остается: смышленность и удаль, низость въ сдѣлкахъ, страшный обманъ въ торговлѣ; а новая жизнь ихъ отличается: пониманіемъ товаровъ, тонкою оцѣнкою людей, низкопоклончивостію и смиренностію при надуваніи помѣщиковъ, чиновниковъ и своего брата-крестьянина. Личность этого поколѣнія имѣетъ своимъ девизомъ: не знать правилъ въ торговомъ дѣлѣ, дѣйствовать на удаль, не думать о совѣсти и чести.

Исторія отцовъ и дѣдовъ этого поколѣнія мало извѣстна и едвали продолжается болѣе 150 лѣтъ. Они возникли изъ среды Русской сельской жизни, прожили и состарѣлись въ бродячей торговлѣ. Новое поколѣніе началось съ 1822 года, со времени появленія поощрительнаго тарифа; росло подъ особою защитою развитія Русской мануфактурной промышленности и стараго Московскаго кредита, всегда готоваго къ услугамъ бездомоваго искателя. Число этого новаго поколѣнія свободныхъ и пошлинныхъ торговцевъ простирается болѣе 5 милліоновъ и съ каждымъ годомъ усиливается все болѣе и болѣе. Гдѣ и когда окончится возрастаніе этой огромной касты? Торговые ихъ обороты простираются болѣе 10 милліоновъ рублей. Въ торговомъ мірѣ Россіи они дѣйствуютъ съ однимъ паспортомъ въ рукахъ и иногда даже безъ него. Да и на что́ имъ виды? Серебряные рубли спасаютъ всегда и вездѣ отъ бѣды. Эти люди Божіи, не гильдейные, — народъ передовой въ созданной имъ самимъ торговлѣ по всей широкой Россіи, безъ дани, безъ пошлины. Лавокъ у нихъ нѣтъ, прикащиковъ и сидѣльцевъ не знаютъ. Одни телѣги да коробокъ — вотъ ихъ лавки, ходящія по всей Россіи. Одни изъ нихъ дѣйствуютъ компаніями отъ 10, 50 до 100 человѣкъ, на свой складочный капиталъ; другіе идутъ въ наемъ, продаютъ товары за чужой счетъ изъ доли барышей; третьи ведутъ сами торговлю сухопутную и водяную, въ видѣ самостоятельныхъ купцовъ, но все-таки безъ дани, безъ пошлины.

Личность этой торговой касты неуловима, незрима, не разгадана, сокрыта отъ всякихъ преслѣдованій. Эта первая ея оборона и задушевная тайна, никому не объявляемая; во она вездѣ видна: въ селахъ, въ деревняхъ, въ мѣстечкахъ, на ярмаркахъ, на сельскихъ праздникахъ, на большихъ и малыхъ дорогахъ. Это миѳъ оборотней нашего вѣка: является вездѣ и нигдѣ, по волѣ и неволѣ помѣщика и крестьянина. Онъ знаетъ но-

всюду — гдѣ, кому и что̀ нужно за деньги, безъ денегъ, въ долгъ, на промѣнъ; его пріѣзда ждутъ всѣ и вездѣ: онъ всѣмъ необходимый человѣкъ.

Эта каста людей современной намъ міровой Русской торговли раздѣляется на множество видовъ и подраздѣленій. Укажу здѣсь на замѣчательные виды, болѣе рѣзкіе, болѣе характеристическіе по своему значенію, по своей важности капиталовъ и торговыхъ оборотовъ.

Торговля этой касты на складочный капиталъ, или компанейская, составляется деревенскимъ капиталистомъ, извѣстнымъ своими торговыми оборотами, знаемымъ во всемъ околодкѣ и отдаленныхъ мѣстахъ *мірскимъ воротилой*. Ему складочники ввѣряютъ свои паи, въ общій капиталъ, безъ всякихъ письменныхъ условій, *на одну вѣру*. Для закупокъ товаровъ и повѣрокъ оборотовъ въ торговлѣ, придается два-три опытныхъ человѣка, извѣстныхъ въ ихъ торговлѣ подъ названіемъ *дядей* [1]). Эта каста людей называется *міромъ*, а складочники *молодцами*. Въ главѣ молодцовъ отличаются болѣе всего бывалые люди на толкучихъ рынкахъ. Эти передовые люди нерѣдко спиваются и пропиваютъ товары до послѣдней нитки. Изъ складочныхъ паевъ составляется мірской капиталъ отъ 1000 до 10000 рублей серебромъ и болѣе. Капиталы мірскаго вороти лы и дядей исчисляется тысячами, молодцовъ полтысячами, подростковъ доморощенныхъ сотнями рублей. Воротила и дяди съ первой минуты составленія міра становятся опекунами семействъ молодцовъ и подростковъ во всѣхъ земскихъ повинностяхъ и домашнихъ нуждахъ. „Гуляй, молодецъ, здорово по широкой Руси,— говоритъ воротила;—не тужи, не скорби: съ горя и бѣды не вздохнетъ твоя семья. Мы твои отвѣтчики во всемъ за тебя и за семью“. Воротила и дяди закупаютъ на чистыя деньги товары въ Москвѣ и Владимірскихъ мануфактурныхъ мѣстахъ. Всѣ выгоды міра зависятъ отъ оптовой закупки, отъ умѣнья выгодно пріобрѣтать товары, отъ опытности и ловкости молодцовъ, сбывающихъ выгодно закупленные товары. Болѣе опытные воротилы и дяди предлагаютъ мануфактуристамъ впередъ десятки тысячъ рублей серебромъ на заготовку товаровъ собственно на ихъ руку, т. е. товаровъ *легкихъ* (каковы сукна), *дешевыхъ* и *выгодныхъ* (каковы ситцы), извѣстныхъ въ ихъ торговыхъ оборотахъ подъ названіемъ *кустарныхъ*, *особняковъ*, *мозольныхъ*.... Такіе покупатели для мануфактуристовъ золотой кладъ; всѣ ихъ издѣлія на фабрикахъ заготовляются на чужой капиталъ и имѣютъ вѣрный сбытъ съ фабрики, *на вѣрняка*. Фабриканты не смотрятъ на доброту; это дѣло для нихъ постороннее, да этого отъ нихъ не требуютъ и покупатели. Они знаютъ одно—быть въ работѣ безъ проигрыша, работать успѣшно и барышами удесятерить свой капиталъ. Молодцы, имѣя въ рукахъ дешовый и выгодный товаръ для сбыта, дѣйствуютъ отважно, быстро, всегда *на вѣрное*, и смѣло расширяютъ свои торговые обороты. Воротили и дяди забираютъ изготовленный товаръ на фабрикахъ, свозятъ на условное мѣсто и раздѣ-

[1]) Въ Петербургѣ есть особая каста торговыхъ людей Апраксина двора съ своими *дядями* и *племянниками*, торгующая на складочный капиталъ, въ одной только аукціонной продажѣ. Но эта торговля совсѣмъ не имѣетъ ни того значенія, ни того оборота въ торговыхъ дѣлахъ.

ляютъ его пайщикамъ по числу вклада. Здѣсь происходитъ разцѣнка продажныхъ товаровъ, назначаются сборныя мѣста для привоза, выручки и для забранія новыхъ товаровъ на будущій сбытъ. На расходы отъ міра молодцамъ не дается ни одной копѣйки. Воротила, отпуская ихъ, приговариваетъ: „Своя голова не бѣда, прокормится умомъ да міромъ. Лавки не нанимать стать; торговое мѣсто для тебя вездѣ готово, безъ дани, безъ пошлины. Знай одинъ приказъ: сбывай товаръ, какъ знаешь и какъ можешь; только привози выручку во время“.

Молодцы послѣ распродажи являются съ выручкою къ условленному мѣсту и времени. Удалые успѣваютъ сдѣлать въ одинъ годъ два-три торговыхъ оборота и успѣшно заработываютъ барыши. Воротила съ дядями усчитываютъ молодцовъ въ выручкѣ и барышахъ. Здѣсь молодцы получаютъ при дѣлежѣ каждый на часть своего пая и долю изъ общихъ барышей. На долю воротилы и дядей идетъ барыша вдвое и втрое противъ молодцовъ; спору въ дѣлежѣ не бываетъ: такъ міръ судилъ, а на міръ суда нѣтъ. Удалые молодцы приторговываютъ 20 и 30 процентовъ на рубль: объ убыткахъ у нихъ слова нѣтъ, да онъ никогда у нихъ и не существуетъ на дѣлѣ. Проторжки пьющихъ и гулякъ раскладываются на весь міръ. Дешевизна ихъ товаровъ такова, что нѣтъ соперниковъ во всемъ свѣтѣ. Уму-разуму молодцовъ въ сбытѣ товаровъ могли бы поучиться и опытные Англичане. Гибкость и смѣтливость молодцовъ достигла до того, что, какъ онъ ни продавай, убытка вѣчно не будетъ. Поясникъ это примѣромъ. На Московскихъ и Владимірскихъ фабрикахъ, для сбыта поселянамъ, закуплена была сотня маленькихъ бумажныхъ платковъ по 7 рублей серебромъ; при разсчетѣ съ фабрикантомъ за каждый рубль сбавляется 5 копѣекъ сер. за то, что деньги даны были впередъ; а чистыя деньги составляютъ уже сами барышъ. По такому учету, сотня платковъ обходится въ 6 руб. 65 коп. При расцѣнкѣ воротилы и дядей, эта сотня назначается въ продажу по 12 руб. сер. Молодцы и къ этой оцѣнкѣ умѣютъ еще приторговывать свои барыши. На дуванѣ отъ молодца сдаются въ цѣлости 12 руб.; а приторжки на 6 руб. и 65 коп. приходится 5 руб. 35 коп., почти по 20 процентовъ. Какая торговля въ свѣтѣ можетъ доставлять такія прибыли [2])? Если случится какая бѣда отъ буяна сотскаго или грабителя старшины, то на защиту у молодца въ карманѣ есть рублевики. Послѣ дувана старики отправляются на побывку къ семействамъ, а молодые снова идутъ гулять по бѣлому свѣту съ товарами.

Нерѣдко бываетъ, что воротилы и дяди, разбогатѣвъ порядочно, перебираются въ большіе города, или въ родимую матушку Москву, или въ славный градъ Владиміръ; заводятъ свою фабрику и объявляются милліонерами. Удалые молодцы сколачиваютъ свой капиталъ; потомъ, лѣтъ чрезъ пять, превращаются сами въ воротилы и дядей. Другіе же всю жизнь остаются молодцами, до глубокой старости: то торгъ имъ не везетъ, то на роду удалымъ не дается, то зелено вино губитъ ихъ.

[2]) Образчикъ такой торговли можно видѣть въ Санктпетербургѣ, на Большой Садовой и Сѣнной, между Татарами, продающими только одни платки. Худой Татаринъ получаетъ чистаго барыша до 700 рублей серебромъ; а есть изъ нихъ и такіе, которые достаютъ болѣе 1000 руб. сер. въ годъ на одного Татарина.

Торговля особнякомъ сосредоточивается въ рукахъ одного сельскаго капиталиста. Онъ одинъ покупаетъ товаръ на свой капиталъ, но продаетъ его наемными работниками. Прежде всего онъ приговариваетъ народъ, извѣстный ему по честности и расторопности въ торговлѣ. Ему онъ раздаетъ товаръ на свой страхъ и счетъ, по условной цѣнѣ, на опредѣленное время. Партіи такого торговаго капиталиста составляются изъ пятидесяти человѣкъ, рѣдко доходятъ до ста. Готовые обороты этого капиталиста начинаются съ пятидесяти рублей и восходятъ выше ста тысячъ рублей. За то обороты эти быстры, изумительны и чрезвычайно выгодны. Рѣдкій работникъ пріѣзжаетъ къ нему два, три раза въ годъ; другіе достигаютъ до десяти и болѣе оборотовъ. Товары особняку доступны всѣ: онъ никогда ничѣмъ не пренебрегаетъ, доволенъ рублемъ и копѣйкой; знакомые ему воротилы, переселившіеся въ города, надѣляютъ его всякими товарами, *съ пожданьемъ*: только бери. Расходовъ у него нѣтъ никакихъ; казенныхъ повинностей онъ никакихъ не знаетъ. Работники его получаютъ задѣльную плату послѣ расторжки. Если онъ поитъ, кормитъ и одѣваетъ семью работника: то и отъ этого барышъ ему. Работниковъ отпускаетъ онъ или на ихъ возахъ, или въ разноску съ коробами. Разбогатѣютъ они, и тутъ прибыль ему: имъ же послѣ продаетъ онъ отъ себя свои товары. Захмѣляетъ, закутитъ, пропьетъ работникъ его товаръ — бѣда не велика, какихъ нибудь рублей на сто; за то онъ и съ семьей остается всю жизнь въ кабалѣ у него. Разсчетъ при сбытѣ товаровъ онъ учитываетъ самъ же: что̀ хочетъ, то и дастъ работнику; все вычтетъ — и за расходъ по семьѣ, и за кормъ самаго, и за проданный, но измятый товаръ, и за капиталы, израсходованные на покупку товара. Не хочетъ жить (работникъ), такъ на его мѣсто есть давно въ запасѣ другой.

Разбогатѣвшіе особняки рѣдко переходятъ изъ деревни въ города. За то дѣтки ихъ любятъ переходить въ гильдейные, любятъ пожить отважно, на широкую руку, по-барски. Выгодная женидьба на гильдейскихъ дочкахъ легко ихъ переманиваетъ въ города, съ сотнями тысячъ въ карманѣ. Здѣсь они или заводятъ фабрику, или вступаютъ въ барочный торгъ, или снимаютъ казенные подряды, а скорѣе всего и охотнѣе идутъ въ винные откупа.

**

Проѣзжая уѣзды Новгородской губерніи, Валдайскій, Боровичскій, Новгородскій, я убѣдился вполнѣ, что здѣсь Русскій человѣкъ — домосѣдъ, словомъ и дѣломъ; что переходъ къ новой жизни еще не выработался самъ собою, а невольно, неожиданно явился постороннею силою съ другой стороны, и пошелъ не такъ, какъ въ за-Московскомъ краѣ. Тамъ этотъ переходъ выработали мануфактурныя свѣтлицы, ремесленныя мастерскія и міровая торговля. Здѣсь же пробужденіе народа возникло отъ проложенія желѣзной дороги, отъ появленія другихъ людей на новомъ пути, съ новыми думами, съ новыми понятіями. Тамъ прогрессъ возникалъ изъ сознанія необходимости новаго полезнаго дѣла, изъ потребностей новой жизни. Здѣсь заѣзжіе люди только показали пустоту старой жизни, доказали собою превосходство перерожденія, указали застарѣлымъ лю-

дямъ на будущую дѣятельность, ихъ ожидающую. Народъ здѣшній не увлекся явленіемъ новымъ и остался по прежнему въ сторонѣ, вдали отъ него. Тоже самое встрѣчалось мнѣ видѣть и въ сѣверныхъ уѣздахъ Тверской губерніи. Только около Твери и въ селеніяхъ Калязинскаго и Кашинскаго уѣздовъ идетъ новая жизнь, по слѣдамъ Москвы, выработкою процессовъ фабричнаго и промышленнаго дѣла. Здѣсь только уѣзды Осташковскій и Торжковскій являются впереди всѣхъ своею дѣятельностію, своимъ пониманіемъ, но не стремленіемъ къ новой жизни. Здѣсь уѣздные города остановились въ главѣ стараго движенія, остались въ застоѣ, а— не крестьяне селъ и деревень. Вотъ отъ чего одинъ по всюду отпечатокъ въ жизни: поклоненіе капиталу, раболѣпность ему, а не труду, не уму, не сознанію внутреннихъ силъ. Величіе капитала въ думахъ Русскаго человѣка какъ великанъ, и исчезаетъ при первыхъ припадкахъ банкрутства. Торжокъ, Осташковъ, Боровичи, Вышній Волочекъ оставили за собой старое вліяніе на простой народъ по привычки раболѣпства капиталу. Въ за-Московскомъ краѣ это вліяніе идетъ на уѣздные города изъ фабричныхъ и торговыхъ селеній силою движенія могучаго ума и пониманіемъ прогресса. Поклоненіе капиталу держится прочно въ одномъ ремесленномъ Осташковѣ; въ другихъ же городахъ оно уже падаетъ и едвали долго удержится: потому что основаніемъ ему служитъ одна изъ самыхъ непрочныхъ силъ — кредитная торговля. Одна только старая Кимра (село Корчевскаго уѣзда) удержала старый, неизмѣнный свой характеръ— шитье сапоговъ на всѣ ноги; но и она увлеклась послѣ желѣзной дороги, перенесла свое дѣйствіе на Питеръ, стала наполнять лавки — не Московскія, а Петербургскія, и вошла въ соперничество съ Нѣмецкими сапожниками. Старые осташи (бѣлые конинные сапоги) остались на долю крестьянъ, по старой привычкѣ остановились на одной мѣркѣ для всѣхъ ногъ, по одной дешевизнѣ.

Здѣсь и самое сближеніе съ грамотою началось противоположнымъ путемъ съ за-Московскимъ краемъ. Тамъ явилась она слѣдствіемъ перерожденія жизни, явилась изъ довольства жизненныхъ средствъ, изъ пониманія необходимости науки въ дѣлахъ фабричныхъ и торговыхъ; тамъ отъ этого и успѣхи ея обширны, увлекательны на массы народныя. Тамъ Русскій народъ самъ понялъ и сознялъ, что жизнь безъ грамоты мертва, что къ такой жизни не прививается умное дѣло. На Сѣверѣ Россіи не выработалось такого сознанія: борьба жизни изъ насущнаго куска стоитъ на первомъ планѣ. Вотъ отъ чего земледѣліе здѣсь идетъ по старой рутинѣ, безъ всякаго новаго помысла объ усовершенствованіи. Здѣсь каждый глава семейства сознаетъ нужду грамоты по своему житейскому толку: его безграмотнаго сына не принимаютъ горожане въ мальчики и приказчики — единственная цѣль, желаемая имъ для грядущаго поколѣнія. Водяные пути сообщенія, увлекающіе ежегодно крестьянъ въ Петербургъ и Ригу, далеко не такъ вліятельны, какъ за-Московскія сухопутныя дороги. Здѣсь Русскій человѣкъ не расходится по сторонамъ, а живетъ на баркахъ мѣсяцами, не сходя никуда на берегъ, съ одной своей братіей; смотритъ на чужой народъ съ барокъ, не сообщаясь съ нимъ; не учится у него умному дѣлу. Это дви-

женіе далеко еще отъ пробужденія ума.

Торговля здѣсь успѣла образоваться въ селеніяхъ въ одномъ видѣ, въ закупномъ и продажномъ, съ тѣми же пріемами обмана, лжи, обмѣра и обвѣса. Сельскій капиталистъ сѣверныхъ губерній дѣйствуетъ одинъ съ своею семьею; только одни водяные пути увлекаютъ его весной въ отдаленный Питеръ — съ овсомъ и дровами. И здѣсь Русскій человѣкъ торгуетъ безъ дани, безъ пошлины, не гильдейскимъ порядкомъ. Ходебщики и новоторы съ товарами здѣсь явленіе временное, люди заѣзжіе, чужіе; за то здѣсь булынники и коробочники люди свои, домашніе. Понятій о компанейской торговлѣ, на складочные паи, о воротилахъ, дядяхъ и молодцахъ не существуетъ и въ помин-ѣ. Въ одномъ только Череповскомъ уѣздѣ желѣзное дѣло произвело громадные успѣхи и отразилось своими гвоздями во всеобщей Русской торговлѣ. Здѣсь Русская натура созрѣла, возмужала въ своей силѣ. Нигдѣ и никогда въ Русской землѣ не была такъ вліятельна ремесленная промышленность, какъ у крестьянъ Череповскаго уѣзда; никогда желѣзное дѣло не обобщалось такъ быстро, изумительно, какъ среди ихъ. Оно такъ далеко опередило крестьянъ Тверскихъ и Нижегородскихъ, что ихъ нечего и сравнивать. Милліонные годовые обороты и Уломскіе гвозди суть живые памятники дѣятельности крестьянъ Череповскаго уѣзда, въ новой жизни.

Весьегонскій уѣздъ и его богатая крещенская ярмарка опирается въ своей жизни только на одно желѣзное дѣло крестьянъ Череповскаго уѣзда. Безъ этого дѣла старая Новгородская торговая жизнь Холопьяго Городка давно бы исчезла съ лица Русской земли. Жизнь четырехъ уѣздовъ сѣверныхъ: Весьегонскаго, Устюжскаго, Кирилловскаго и Бѣлозерскаго существуетъ и дышетъ однимъ желѣзнымъ дѣломъ Череповскаго уѣзда. Фабричное дѣло на Сѣверѣ еще не зародилось въ головѣ Русскаго человѣка. Одни только синельщики, съ своими грязными кубами [3]), появляются изрѣдка по деревнямъ; но и эти люди безталанные, безъ знанія своего дѣла; это — не то совсѣмъ, что́ Владимірцы, народъ живой, изобрѣтательный, понимающій свое дѣло въ полномъ значеніи искусства. Здѣсь нечего и мечтать, чтобы повторились одинаковыя явленія, какъ было съ Ивановцами Шуйскаго уѣзда.

Граматность Череповскаго уѣзда одна только возвысилась на всемъ Сѣверѣ. Въ торговомъ слоѣ этого уѣзда журналы, газеты и новыя книги не составляютъ роскоши. Новыя понятія о литературѣ и политикѣ, о ремеслѣ и художествѣ здѣсь усвоились, свои въ домашнемъ быту. Сюда занесла ихъ не Московская Никольская улица, а торговое сближеніе народа съ Москвою и Петербургомъ, безъ насильственнаго введенія школъ: этого явленія я не встрѣчалъ въ селеніяхъ за-Московскихъ губерній.

Уѣзды: Устюжскій, Кирилловскій, Бѣлозерскій остановились на старой жизни, на одномъ дѣлѣ, на рубкѣ лѣсовъ и постройкѣ барокъ. Далеко, очень далеко отстоитъ отъ нихъ грядущее пробужденіе. На нихъ не дѣйствуетъ ни хлопотливый Рыбинскъ

---

[3]) *Кубомъ* называется: 1) синяя краска изъ растенія indigofera (индиго), 2) холстъ, окрашенный въ эту краску. *П. С-въ.*

съ своею хлѣбною торговлею, ни Череповецъ съ своими гвоздями. Глядя на нихъ, такъ и хочется привѣтствовать ихъ стереотипною фразою: „спите и почивайте, братіе, до будущаго радостнаго дня“.

Только на Сѣверѣ встрѣтилъ новое, неслыханное дѣло въ Русской землѣ: это — возсозданіе желѣза изъ сыпучей массы пленокъ, образующихся въ кузницахъ при перековкѣ желѣза; и это явленіе создалось въ Череповскомъ уѣздѣ, гдѣ нынѣ выдѣлываютъ такого желѣза до 100000 пудовъ. А сколько милліоновъ пудовъ погибаетъ этихъ пленокъ въ заводахъ Уральскихъ, Нижегородскихъ, Тульскихъ и Петербургскихъ! Вѣдь есть же люди на Руси, посвятившіе себя на собраніе костей и старыхъ тряпокъ; а никто не подумаетъ о сборѣ желѣзныхъ пленокъ и обдѣлкѣ ихъ въ полосное желѣзо — товаръ цѣнный, сподручный всѣмъ. Одни мѣдные опилки смиренно перешли на колокольные заводы, и корыстолюбивый разсчетъ заводчиковъ замѣнилъ ими красную мѣдь.

По совѣту Вышневолоцкихъ жителей, для своихъ наблюденій по селеніямъ рѣки Мсты, я избралъ село Березовскій Рядокъ мѣстомъ пребыванія. Изъ него дѣлалъ поѣздки въ разныя селенія; сюда возвращался для отдыха и составленія записокъ. Селенія, лежащія по рѣкѣ Мстѣ до Боровичей, составляютъ особую мѣстность: здѣсь свое нарѣчіе, свой говоръ, свои повѣрья, свои преданія, свои пѣсни, свои сказки.

Вышневолоцкій уѣздъ существуетъ только барочнымъ стономъ Рыбинскихъ каравановъ по рѣкѣ Мстѣ и ярмарками Николо-Теребеневскаго монастыря. На земледѣліе здѣсь мало обращаютъ вниманія; фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній здѣсь нѣтъ; огороды въ пренебреженіи. Какова же должна быть жизнь здѣшнихъ крестьянъ? Убожество, скудость, тупоуміе и страшная лѣнь — выше всякихъ предѣловъ и вѣроятія. Если бы не угрожающій голодъ, никто бы не взялся за соху. И что за уморительные посѣвы? Крестьянинъ свою сухую, глинистую землю едва вспашетъ на вершокъ и кое-какъ набросаетъ сѣмянъ.

Земледѣліе въ Валдайскомъ уѣздѣ такъ и дышетъ каррикатурой, злою насмѣшкою надъ человѣческими успѣхами въ природѣ: земля песчаная, на удобреніе крестьянинъ сжигаетъ послѣдній дровяной лѣсъ. Луговыя поля безъ всякаго присмотра; покосы до того скудны, что рѣдкую зиму достаетъ на прокормъ скота. Во всемъ уѣздѣ одна машина молотильная, но и на ту смотрятъ какъ на злую ересь, со злобою. Какъ же не подумать здѣсь о введеніи разныхъ ремеслъ? Еслибы можно было подковывать лошадей лыками, то, вѣрно, здѣшній крестьянинъ не отказался бы отъ лычныхъ подковъ. Отвращеніе къ желѣзу доходитъ до невѣроятія. На земледѣльческія орудія грустно и смотрѣть.

Что же касается до собиранія народныхъ преданій, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и поговорокъ: то въ этомъ я былъ несчастливъ. Неговорливый отъ природы, мрачный, суровый сѣверный житель мало и сохранилъ ихъ. Это — не за-Московскій край, гдѣ Русскій человѣкъ пѣвучъ въ горѣ и радости, открытъ весь на распашку. Мнѣ часто приходилъ на мысль грозный царь Иванъ Васильевичъ съ своимъ обращеніемъ съ Новгородцами. Если ихъ Новгородскіе

потомки и доселѣ нестерпимы своими суровыми обычаями, то что же они были въ XVI-мъ столѣтіи? Жизнь сѣверной женщины есть образецъ несчастной страдалицы. Весь годъ, днемъ и ночью, милые супруги угощаютъ ихъ побоями, бранью, угрозами. Мало того, что на нихъ лежитъ обязанность по домашнему хозяйству, онѣ и въ полѣ работаютъ за мужей: пашутъ, жнутъ, боронятъ и косятъ. При всемъ этомъ боязнь къ домовымъ, водянымъ и лѣшимъ до того съузила взглядъ несчастныхъ женщинъ, что онѣ не смѣютъ и думать о счастливой, лучшей жизни въ мірѣ. Всѣ болѣзни, бѣды, несчастія зависятъ отъ нечистой силы. Еслибы не приходскіе священники, то боязнь къ этой грозной силѣ быстро обратилась бы въ поклоненіе. Здѣсь нѣтъ искусства пѣнія, какое существуетъ въ за-Московскомъ краѣ: голосъ дикой, рѣчь необработанная, грубая, какъ брань, вообще неспособна къ лирической восторженности. Да и до пѣсенъ ли бѣдной страдалицѣ, когда ни одна изъ нихъ безъ колдуна и ворожейки здѣсь не можетъ жить? Вѣрованіе въ значеніе и искусство колдовства обобщилось и сроднилось съ бытомъ. Здѣсь даже на мірскія деньги пастухъ весною закупаетъ большой обѣдъ у колдуна въ защиту скота отъ нападенія волка и медвѣдя. Между тѣмъ сами мужики и бабы не знаютъ — какъ и назвать по имени какую либо траву, а еще менѣе врачебную силу травъ. Во всемъ уѣздѣ вы не найдете лѣкарствъ; даже нѣтъ мяты, горчицы, шалфея, ромашки. А между тѣмъ сифилитическая болѣзнь, оспа и цынги свирѣпствуютъ въ ужасномъ видѣ. Окуреванье ртутью, киноварью— одно лѣченіе отъ сифилиса; крѣпкая селитренная кислота—отъ оспы.

VII.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ И ПРЕДЛОЖЕНІЯ И. П. САХАРОВА.

По выходѣ въ свѣтъ „Россійской родословной книги, изд. княземъ Петромъ Долгоруковымъ“ (ч. I—IV Спб. 1854—1857 гг.), И. П. Сахаровъ, оставшись недоволенъ этимъ изданіемъ, предпринималъ новое изданіе Русскихъ родословныхъ книгъ. Вотъ его предположенія объ этомъ изданіи:

„Предпринятое изданіе для объясненія родословія Русскаго дворянства будетъ имѣть слѣдующее заглавіе: *Русскія родословныя книги.*

Все изданіе составится изъ трехъ томовъ.

Въ первомъ томѣ напечатается: *Бархатная книга.*

Здѣсь помѣстится буквально текстъ Бархатной книги 1687 года, содержащій въ себѣ родословіе великихъ князей, дворянъ, коренныхъ Русскихъ и пріѣзжихъ.

Примѣч. Коммиссія, занимавшаяся составленіемъ Бархатной книги, успѣла только окончить одну первую часть, и подлинникъ этой книги хранится нынѣ вмѣстѣ съ копіей въ Департаментѣ Герольдіи. Изданіе Бархатной книги, напечатанное Новиковымъ въ Москвѣ, далеко не выполнило своей цѣли.

Во второмъ томѣ напечатается: *Текстъ древнихъ родословныхъ книгъ Русскаго дворянства до 1687 года.*

Для изданія этого тома взяты за основаніе три редакціи: первая, текстъ древній, сохранившійся отъ временъ царя Іоанна Васильевича 1564 года; вторая—текстъ временъ царя Ѳеодора

Іоанновича; третія — текстъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Такимъ образомъ въ этихъ трехъ редакціяхъ будутъ соединены всѣ роды древняго Русскаго родословнаго дворянства, и ихъ текстъ послужитъ дополненіемъ Бархатной книги. Текстъ этихъ редакцій будетъ напечатанъ по сохранившимся 24-мъ спискамъ.

Въ третьемъ томѣ будетъ напечатанъ: *Текстъ поколѣнныхъ росписей съ 1684 до 1690 года.*

Поколѣнныя росписи были представляемы, послѣ сожженія разрядныхъ книгъ, отъ Русскаго дворянства въ Разрядный приказъ. На основаніи этихъ росписей коммиссія составляла Бархатную книгу. Изъ этихъ росписей едва четвертая часть взошла въ составъ этой книги. Однѣ изъ нихъ хранятся въ архивахъ Московскихъ, Сенатскомъ и Министерства иностранныхъ дѣлъ; другія находятся при дѣлахъ Департамента Герольдіи, въ копіяхъ, выданныхъ изъ архива до 1812 года, и въ Миллеровскихъ портфеляхъ.

Совокупнымъ изданіемъ текстовъ Бархатной книги, родословныхъ книгъ и поколѣнныхъ росписей приведутся въ извѣстность всѣ древніе Русскіе дворянскіе роды, существующіе и погасшіе. Такимъ образомъ шестая родословная книга, учрежденная для древняго дворянства, получитъ настоящее свое значеніе, и прекратится вторженіе въ эту „книгу новыхъ родовъ".

И. П. Сахаровъ писалъ также предположенія: а) о образованіи Русскихъ школъ иконописанія при духовныхъ семинаріяхъ и б) о составленіи центральной и мѣстныхъ библіотекъ духовнаго вѣдомства. На послѣднемъ сдѣлана имъ такая приписка: „Сей проектъ былъ написанъ мною въ 1847 году. Я мечталъ, что онъ можетъ осуществиться. Какой же я—дитя! Шесть лѣтъ я твердилъ о немъ разнымъ лицамъ. Наконецъ заохотились двое: преосвященный Иннокентій *) и А. И. Войцеховичъ. Дѣло не состоялось. Копія съ этого проекта есть у А. И. Войцеховича. Одна

---

*) И неудивительно. Эта замѣтка И. П. Сахарова напомнила мнѣ о Путевыхъ Запискахъ М. П. Погодина о Вологдѣ, помѣщенныхъ имъ въ Москвитянинѣ 1842 года. Отыскавъ № 8 этого журнала, я прочелъ на стр. 249 вотъ что: «17 (Августа 1841 г.). Проснулся въ прекрасной огромной комнатѣ, только что отдѣланной и назначенной быть кабинетомъ преосвященнаго. Оконъ 12 на три стороны. Изъ однихъ виденъ соборъ, изъ другихъ поле и часть города.» Противъ этихъ словъ у меня тогда же было замѣчено: «Преосв. Иннокентій предполагалъ помѣстить здѣсь Вологодскій епархіальный музей, о которомъ и я вмѣстѣ съ нимъ и мечталъ, и разсуждалъ.» Далѣе М. П. Погодинъ говоритъ: «Въ углу передо мною стоялъ большой образъ Троицы, древняго письма. Подхожу къ нему... Что же?... Это тотъ историческій образъ, съ Зырянской подписью, о которомъ столько было писано въ статьѣ Евгенія о древностяхъ Вологодскихъ и Зырянскихъ, въ Вѣстникѣ Европы, 1813 или 14 года.» Тутъ у меня замѣчено: «Этотъ образъ прежде стоялъ въ тепломъ соборѣ, на правой сторонѣ, у бывшаго входа на хоры. При старостѣ С. М. Рынинѣ, усердіемъ Вологжанъ, онъ украшенъ былъ серебряною ризою, которая стоила болѣе 2000 рублей. Для поправки теплаго собора, при преосв. Стефанѣ, когда продавали старинное соборное серебро въ разныхъ *вещахъ* (каково варварство! отецъ мой едва-едва, и то съ большими для себя непріятностями, исхитилъ отъ этой продажи большую серебряную водосвятную чашу, преосв. Симона, кажется), и новая риза съ образа св. Троицы пошла въ эту продажу; а самый образъ отнесенъ былъ въ соборную ризницу въ число ненужной разной рухляди. Когда преосв. Иннокентій услышалъ отъ меня объ этомъ образѣ, то велѣлъ принесть его къ себѣ въ келлію и хотѣлъ поставить въ началѣ предметовъ епархіальнаго музея». Къ этому теперь прибавлю, что преосв. Иннокентій не успѣлъ осуществить свою прекрасную мысль по кратковременности своего пребыванія на каѳедрѣ Вологодской.—Мои предположенія о Всероссійскомъ Древлехранилищѣ памятниковъ Русскаго благочестія перебывали во многихъ рукахъ, начиная съ Я. И. Ростовцева до бывшаго оберъ-прокурора св. Синода гр. А. П. Толстаго. Гдѣ они теперь — пока не знаю. *П. С—въ.*

только душа радовалась этому—К. М. Бороздинъ; и онъ сошелъ во гробъ, можетъ быть съ такими же мечтами. За чѣмъ я думалъ, что въ нашъ холодный вѣкъ можно еще что нибудь дѣлать? Мечты, мечты золотыя! Прощайте. 1848 года Ноября 7, въ 10 часовъ вечера".

Императорскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ И. П. Сахаровъ дѣлалъ предложенія: а) о вызовѣ Русскихъ ученыхъ къ описанію Миней Четьихъ, составленныхъ подъ руководствомъ знаменитаго митрополита Макарія; б) о вызовѣ ученыхъ къ обстоятельному описанію ученыхъ братствъ—за это обѣщалось (кѣмъ?) 500 руб.; в) о вызовѣ ученыхъ въ описанію Пролога—за это 400 рублей.

(Сообщено П. И. Савваитовымъ).